

*Святые отцы
о христианской любви*

**Б
Л
А
Г
О
В
Е
С
Т**

ЗАПОВЕДЬ БЛАГОГО УЧИТЕЛЯ

По творениям
блаженного Августина

МОСКВА
2011

УДК 276
ББК 86.372
3 33

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС 11-025-2721)*

3 33 **Заповедь благого Учителя.** По творениям блаженно-го Августина. (Святые отцы о христианской любви). — М.: Благовест, 2011. — 160 с.

ISBN 978-5-9968-0084-1

В эту книгу вошли избранные высказывания блаженного Августина – известного епископа, богослова и проповедника IV–V веков, – собранные из его многочисленных творений. В них он говорит о многообразных проявлениях и благодатном воздействии любви Божией на человека и вообще на все Его творение, что и сам блаженный испытал в своей жизни. В своих духовно-нравственных работах блаженный Августин размышляет также о необходимости любви человека к своему Творцу, Господу Богу, ибо именно во взаимной любви наиболее полно реализуется данная Богом главная заповедь Ветхого и Нового Заветов.

Данная работа, мы надеемся, будет интересна всем, кто интересуется христианским осмыслением чувства любви.

УДК 276
ББК 86.372

ISBN 978-5-9968-0084-1

© Издательство «Благовест» — текст,
оформление, оригинал-макет, 2011

Предисловие

Заповедь любви, данная Господом Иисусом Христом Своим ученикам, всегда остается центром притяжения мысли любого христианского подвижника. На протяжении всей истории христианской Церкви именно заповедь: *любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга* (Ин. 13: 34) побуждала христианских святых размышлять и постоянно напоминать всем верующим о ее важности в деле стяжания Царствия Небесного. Осмыслением данной заповеди занимались как отцы Запада, так и отцы Востока христианского мира.

Одним из святых отцов, прошедших собственным путем познания заповеди любви, явился блаженный Аврелий Августин, епископ Гиппонский (Иппонийский). Блаженный Августин явил собою человека, который приходит к Господу длинным и трудным путем духовных исканий и сомнений. Путь, который прошел блаженный Августин в поисках Бога, занял около тридцати лет, но результатом этого пути стало приобщение его к числу истинных последователей Господа Иисуса Христа. По воспоминаниям самого святого, к истинной вере его привели два основных обстоятельства: горячие и

усиленные молитвы его матери Моники ко Христу и, собственно, сама любовь Божия к нему. Таким образом, блаженный Августин непосредственно испытал любовь Божию на себе, и это отразилось на всем том творчестве, которое он оставил после себя. Вот, например, такие его слова: *Возлюблю Тебя, Господи, возблагодарю, исповедую Имя Твое, ибо отпустил Ты мне столько злого и преступного! По милости Твоей и по милосердию Твоему растопил Ты грехи мои, как лед. По милости Твоей Ты не допустил меня совершить некоторых злодеяний, – а чего бы я не наделал, я, бескорыстно любивший преступление? И я свидетельствую, что всё отпущено мне: и то зло, которое совершил я по своей воле, и то, которого не совершил, руководимый Тобю.* В своих духовно-нравственных работах блаженный Августин размышляет также и о необходимости любви человека к своему Творцу, Господу Богу, т. к. именно во взаимной любви наиболее полно реализуется данная Богом заповедь. Блаженный Августин писал по этому поводу: *Ты ведь приказал нам быть не только воздержанными, т. е. подавлять любовь к некоторым вещам, но и справедливыми, т.е. знать, на что обращать ее; Ты захотел, чтобы мы любили не только Тебя, но и ближнего.*

В целом, важно отметить, что блаженный Августин оставил после себя огромное литературное наследие, включающее в себя и духовно-

нравственные сочинения, и толкования на книги Священного Писания, и исторические работы, и множество других сочинений. Особняком в этом наследии блаженного Августина стоит его «Исповедь» – книга, которая является, в своем роде, уникальной, с точки зрения самого жанра. И во всех своих сочинениях блаженный Августин постоянно говорит о любви Божией и любви человеческой к Богу.

Данная работа, мы надеемся, будет интересна всем, кто интересуется христианским осмыслением чувства любви.

Андрей Плюснин

Прекрасен Ты, Создатель всего!

Благодой и истинный Посредник показал, что зло есть грех, а не субстанция или природа плоти, потому что ее вместе с человеческой душой можно было и принять, и носить, и сложить в смерти, и изменить на лучшее в воскресении; что и самой смерти, хотя она была наказанием за грех, но которую, будучи безгрешным, претерпел Он за наши грехи, не следует избегать в состоянии греха, а, напротив, коль скоро представляется случай, переносить ее за правду. Потому Он и смог разрешить наши грехи Своей смертью, что умер, и умер не за Свой грех. (3, с. 146.)

Хотя Бог и знал о будущем падении человека, какие бы могли быть причины, по которым Он не позволил бы коварству завистливого ангела искутить его? Зная о том, что он будет побежден, Бог также знал наперед, что тот же самый дьявол, при содействии благодати Божией, будет побежден семенем человеческим еще с большею славою для святых. Таким образом, и от Бога

ничего не укрылось, и Своим предведением Он никого не принудил ко греху. Но кто осмелится подумать или сказать, что не во власти Божией было, чтобы не пали ни Ангел, ни человек? Но Он предпочел не отнимать у них самих власти на это, и, таким образом, показать, сколько зла может надеть их гордость, и сколько добра – Его благодать. (4, с. 62.)

Прекрасно всё, созданное Тобой, и несказанно прекрасен Ты, Создатель всего. (1, с. 255.)

Все... рождается и умирает, разрушается и исчезает и, однако, поскольку существует, то создано вечным Богом посредством Его Истины; всему этому сообщено разумной и мыслящей души ровно настолько, чтобы оно наслаждалось созерцанием Его вечности, чтобы исполнялось и украшалось ею и чтобы могло заслужить вечную жизнь, но что, пока испытывает чувство любви и скорби к предметам возникающим и преходящим, и предано привычкам чувственной жизни. (8, с. 430.)

Господи! Ты создаешь потомство нам, смертным, и можешь ласковой рукой обломать ост-

рые колючки, которые не растут в раю Твоем. Недалеко от нас всемогущество Твое, даже если мы далеко от Тебя. (1, с. 24.)

То, что вы живете, есть дело Божие. Это Он Своею милостью убеждает вас, чтобы вы исправлялись через покаяние; это Он дал ее вам, неблагодарным, чтобы вы избежали неприятельских рук или под именем Его рабов, или в местах Его мучеников. (2, с. 58.)

Жертвой мы должны быть Ему [Богу-Отцу – С. М.] через того Священника, Который, приняв на Себя человека и милостиво согласившись быть в нем священником, удостоил сделаться за нас жертвой даже до смерти. (3, с. 165.)

Возблагодарим же, христиане, Господа Бога нашего; возблагодарим не небо и землю... но Того, Кто сотворил небо и землю. Кто через величайшее смирение Христа, проповедь апостолов, веру мучеников, умерших за истину и живущих с истиной, вырвал... суеверия... не только из благочестивых сердец, но и из суеверных храмов, пленив их в Свое свободное рабство. (2, с. 226.)

Все же смерть не должна считаться добром, потому что не своей силой, а вследствие божественной помощи она превратилась в такую большую пользу, так что предназначенная прежде служить угрозой против совершения греха, теперь предлагается к принятию, чтобы грех не совершался, а уже совершенный – заглаживался, и великой победе воздавалась должная пальма правды. (3, с. 296.)

Ты... наставил меня, Господи, дивным и тайным образом: я верю, что это Ты наставил меня, ибо в этом была истина, а кроме Тебя, нет другого учителя истины, где бы и откуда бы ни появился ее свет. (1, с. 67.)

Взятием на небо... Еноха была прообразована отсрочка нашего посвящения. Посвящение это уже совершилось в лице Христа, Главы нашей, Который воскрес так, что больше уже не умирал, и Сам был взят на небо: тем не менее, ожидается другое посвящение всего дома, основанием которого служит Христос; последнее отложено к концу, когда все воскреснут и больше уже не умрут. (4, с. 111.)

Боже... Ты... у Которого наши *волосы на голове все согтены* (Мф. 10: 30), использовал заблуждения заставлявших меня учиться мне во благо... Так благодетельствовал Ты меня через заблуждавшихся. (1, с. 15.)

Всеблагой Бог осыпал императора Константина, не поклонявшегося демонам, но чтившего именно истинного Бога, такими земными дарами, о каких никто не осмеливался даже мечтать. (2, с. 293.)

Внемли, Господи, молитве моей, да не ослабеет душа моя под водительством Твоим, да не ослабею я сам, свидетельствуя пред Тобою о милосердии Твоим, отворившем меня от злых стезей моих. Будь сладожнее всех сладостных соблазнов, соблазнявших меня. Да возлюблю Тебя всеми силами души моей, да прильну к Твоей благодати всем сердцем моим. Избави меня, Господи, от всех искушений до конца моих дней. Да служат Тебе, Господи, Царь мой, Бог мой, все то доброе, чему выучился я отроком. Когда увлекали меня суетные науки, Ты взял меня под Свое начало и отпустил мне грехи моего суетствования. Ведь многое даже из того пошло мне на пользу. (1, с. 18.)

Божественный промысел пользуется всякого рода людьми и примерами для врачевания душ и созидания нового народа. (8, с. 436.)

Благ... Тот, Кто создал меня, и Сам Он благо мое, и, ликуя, благодарю я Его за все блага, благодаря которым я существовал с детского возраста. (1, с. 22.)

Кроме... благодеяний, которые Бог щедро ниспосылает добродетельным и порочным людям в силу упомянутого нами управления природой, мы имеем от Него великое знамение великой Его любви собственно к добродетельным людям. Мы решительно не в состоянии возблагодарить Его должным образом и за те благодеяния, что существуем, живем, видим небо и землю и имеем разум, с помощью которого обретаем Его Самого, сотворившего все это. Но какое сердце, какой язык в состоянии надлежащим образом возблагодарить Его за то, что Он не оставил нас, отягченных и обремененных грехами, отворившихся от Его света и омрачившихся любовью к мраку, т. е. к непотребствам, а послал к нам Свое Слово, Которое есть Сын Его едиnorodный, чтобы мы

познали от Него, родившегося плотью и пострадавшего за нас, сколь высоко ценит Бог человека; чтобы этой единственной жертвой мы очистились от всех грехов и, чтобы, получив в сердца излияние любви от Духа Его, несмотря на все трудности, достигли вечного успокоения и неизреченной сладости лицезреть Его? (2, с. 387–388.)

Истина говорит: *Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете* (Иоан. 8: 36). Это то же, как если бы Он сказал: *Если Сын исцелит вас, то истинно здоровы будете*. Он Освободитель от того, от чего и Спаситель. (4, с. 30.)

Нет жизни, которая не была бы от Бога, потому что Бог – и высочайшая жизнь, и источник жизни, и нет жизни, которая бы, как жизнь, была злом. (8, с. 441.)

Ты всегда около, милосердный в жестокости, посыпавший горьким-горьким разочарованием все недозволенные радости мои, – да ищу радость, не знающую разочарования. Только в Тебе и мог бы я найти ее, только в Тебе, Господи, Который создаешь печаль в поучение, поража-

ешь, чтобы излечить, убиваешь, чтобы мы не умерли без Тебя. (1, с. 24.)

Если человек создан так, что через то, что имеет превосходство в нем, он может достигать того, что превосходит все, т. е. единого, истинного, всеблагого Бога, без Которого не существует никакая природа, не наставляет никакое учение и никакая практика не приносит пользы; то Он-то Сам и должен быть для нас предметом искания, так как в Нем все для нас обеспечено; и предметом познания, так как в Нем все для нас достоверно; и предметом любви, так как в Нем все для нас прекрасно. (3, с. 9.)

Да не будем надеяться на тварь, но на Того, Кто воспринял тварь, чтобы явиться в ней человеческим глазам и посредством веры очистить сердца так, чтобы созерцали Его, как равного Отцу. (5, с. 47.)

Господь наш Иисус Христос предаст Царство Богу и Отцу, причем ни Он не будет отделен [от Отца], ни Святой Дух, поскольку Он приведет верующих к созерцанию Бога, в чем предел всех благодетей и вечный покой и радость, которая не отнимется от нас. (5, с. 38.)

Возлюблю Тебя, Господи, возблагодарю, исповедую Имя Твое, ибо отпустил Ты мне столько злого и преступного! По милости Твоей и по милосердию Твоему растопил Ты грехи мои, как лед. По милости Твоей Ты не допустил меня совершить некоторых злодеяний, а чего бы я не наделал, я, бескорыстно любивший преступление? И я свидетельствую, что всё отпущено мне: и то зло, которое совершил я по своей воле, и то, которого не совершил, руководимый Тобою. Кто из людей, раздумывая над своей немощью, осмелится приписать свое целомудрие и невинность собственным силам и станет меньше любить Тебя, – будто ему не нужно Твоего милосердия, по которому отпускаешь Ты грехи обратившимся к Тебе? (1, с. 30–31.)

Бог создал человека по образу Своему. Ибо Он сотворил ему такую душу, (благодаря) которой человек по уму и пониманию превосходил бы всех животных земных, водных и летающих, не имевших подобного ума. (3, с. 279.)

Есть... причина, по которой добрые подвергаются временным бедствиям, – такая, какая имела

место в отношении Иова: чтобы душа человеческая испытывала саму себя и, наконец, осознала, насколько она в силу одного только благочестия бескорыстно любит Бога. (2, с. 17.)

Ты единственный, рядом даже с теми, кто далеко ушел от Тебя. Пусть же обратятся, пусть ищут Тебя; если они оставили Создателя своего, то Ты не оставил создание Свое. Пусть сами обратятся, пусть ищут Тебя – вот Ты здесь, в сердце их, в сердце тех, кто исповедуется у Тебя и кидается к Тебе и плачет на груди Твоей после трудных дорог своих. И Ты, благостный, отираешь слезы их; они плачут еще больше и радуются, рыдая, потому что Ты, Господи, не человек, не плоть и кровь, но Ты, Господи, их Создатель, обновляешь и утешаешь их. (1, с. 62–63.)

Наш Бог присутствует везде и всюду неделимо и нигде и ни в чем не заключен; Он может тайно присутствовать и отсутствовать, не удалившись; когда Он подвергает нас несчастьям, то или заслуги испытывает, или грехи очищает, и при этом готовит заранее нам вечную награду за благочестиво перенесенные нами временные несчастья. (2, с. 52–53.)

Господи... Пускай и Ты посмеешься, но Ты же, сжалившись, и помилуешь. (1, с. 7.)

Если Писание говорит: *Все пути Господни – милость и истина* (Пс. 24: 10), то не может быть несправедливой Его благодать и жестоким Его правосудие. (3, с. 286.)

Бог никогда не дозволил бы случиться этому [испытаниям – С. М.] с Его святыми, если бы святость, которую Он сообщил им и которую Он любит в них, могла погибать. (2, с. 52.)

Глубина, в которой Ты скрываешься, и милосердие Твое, которое всегда тут с нами, достойны размышления и хвалы. (1, с. 69.)

Человек пренебрег повелением Бога, Который сотворил его по образу Своему, поставил над всеми животными, поселил в раю, доставил обилие всего, необходимого для счастья, не обременил множеством трудных для исполнения заповедей, но для того, чтобы оказать содействие спаситель-

ному повиновению, дал только одну, короткую и легкую, напоминавшую о том, что Он – Господь всякой твари, которой полезна добровольная покорность. (4, с. 38.)

Ты был ко мне тем милостивее, чем меньше позволял находить усладу там, где не было Тебя. (1, с. 84.)

Из... свидетельств, которые приводить все было бы слишком долго, мы знаем, что существует некоторый град Божий, гражданами которого мы страстно желаем быть в силу той любви, которую вдохнул в нас Основатель его. (3, с. 174.)

Ты... Господи, Который стоишь у кормила всего сотворенного Тобой, Ты не забыл будущего служителя Твоего. Его исправление должно быть приписано явно Тебе, но совершил Ты его через меня, без моего ведома. (1, с. 86.)

Мы становимся истинно свободными тогда, когда Бог создает нас, т. е. образовывает и творит не так, чтобы мы были людьми, это Он уже сделал, но чтобы были добрыми людьми, что делает Он теперь

Свою благодать, чтобы мы были новою тварью во Христе Иисусе (Гал. 5: 16). (10, с. 27–28.)

Если истинные жертвы суть дела милосердия или к нам самим, или к ближним, имеющим отношение к Богу; дела же милосердия совершаются не иначе, как ради того, чтобы мы освободились от злополучия и стали блаженными, что достигается только при помощи блага, о котором сказано: *А мне благо приближаться к Богу* (Пс. 72: 28); то само собой следует, что весь этот искупленный град, т. е. собор и общество святых, приносится во всеобщую жертву Богу тем великим Священником, Который принес и Самого Себя за нас в страдании в образе раба, чтобы мы для такой Главы были телом. Этот образ раба Он принес в жертву; в нем принес Он и Самого Себя; в силу этого образа Он – Посредник: в нем Он и Священник, и Жертва. (3, с. 113–114.)

Ничего нового не сообщает Тебе человек, исповедуясь в том, что происходит с ним, ибо не закрыто взору Твоему закрытое сердце, и не отталкивает человеческая жесткость десницу Твою: Ты смягчаешь ее, когда захочешь, милосердуя. (1, с. 62.)

Меня держала в мучительном плену, главным образом, непреодолимая привычка к насыщению ненасытной похоти; его влекло в плен удивление. Таковы были мы, пока Ты, Всевышний, не покидающий нашей земли, не сжалился над жалкими и не пришел к нам на помощь дивными и тайными путями. (1, с. 94.)

Да исповедует душа моя из самых глубин своих Твое милосердие ко мне, Господи! Ты, один Ты, ибо кто другой может вернуть нас из смерти всякого заблуждения, как не Жизнь, Которая не знает смерти; Мудрость, Которая освещает темные души. (1, с. 103.)

Человек жил в раю, как хотел, до тех пор, пока хотел того, что повелел Бог. Жил, наслаждаясь Богом, от Которого, как благого, сам был добр. Жил безо всякого недостатка, имея в своей власти жить так всегда. Была пища, чтобы не испытывать голода, было питье, чтобы не испытывать жажды, было, наконец, дерево жизни, чтобы не ослабила его старость. Не было ничего, что причиняло бы боль, не было никаких болезней, которых бы следовало бояться. Плоть была здорова, душа –

спокойна. Не было ни жары, ни стужи; не было грусти, не было искусственного веселья: была одна непрерывная радость, проистекавшая от Бога, к Которому пылала любовь *от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры* (1 Тим. 1: 5); и в то же время было верное, основанное на чистой любви общение между супругами, согласие ума и тела, легкое соблюдение нетрудной заповеди. Усталость не утомляла, сон не клонил против воли. (4, с. 58–59.)

Пожалел Ты прах и пепел, и угодно было в очах Твоих преобразить безобразие мое. Ты колот сердце мое стрелом Своим, чтобы не было мне покоя, пока не уверюсь в Тебе внутренним зрением. Опадала надутость от тайного врачевания Твоего, и расстроенное, помутившееся зрение души моей со дня на день восстанавливалось от едкой мази целительных страданий. (1, с. 106.)

Причина добра, нас касающегося, лежит только в благодати Божией. (10, с. 22)

Я, сам не смиренный, не мог принять смиренно-го Иисуса, Господа моего, и не понимал, чему учит

нас Его уничиженность. Он, Слово Твое, Вечная Истина, высшее всех высших Твоих созданий, поднимает до Себя покорных; на низшей ступени творения построил Он Себе смиренное жилище из нашей грязи, чтобы тех, кого должно покорить, оторвать от них самих и переправить к Себе, излечить их надменность, вскормить в них любовь; пусть не отходят дальше в своей самоуверенности, а почувствуют лучше свою немощь, видя у ног своих Божество, немощное от принятия кожной одежды нашей; пусть, устав, падут ниц перед Ним, Он же, восстав, поднимет их. (1, с. 113.)

От уз... греха не освобождается никто, за исключением отдельных лиц, очищенных благодатью Божией. (4, с. 48.)

Ты..., Господи, благостный и милосердный, заглянул в бездну смерти моей и выгреб десницей Своей с самого дна сердца моего груды нечистоты. А это значило отныне – всеми силами не хотеть того, чего хотел я, и хотеть того, чего хотел Ты. (1, с. 136.)

Добрая воля есть дело Божие, и именно с нею сотворил Бог человека. (4, с. 29.)

Исповедаю Тебе дары Твои, Господи Боже мой, Создатель всего, властный преобразить безобразие наше. (1, с. 143.)

Спустилась сама Жизнь наша и унесла смерть нашу и поразила ее избытком жизни Своей. Прогремел зов Его, чтобы мы вернулись отсюда к Нему, в тайное святилище, откуда Он пришел к нам, войдя сначала в девственное чрево, где с Ним сочеталась человеческая природа, смертная плоть, дабы не остаться ей навсегда смертной. (1, с. 56.)

Мы не можем не признать, что в священных книгах написано: *Однажды сказал Бог, и дважды слышал я это, что сила у Бога, и у Тебя, Господи, милость, ибо Ты воздаешь каждому по делам его* (Пс. 61: 12–13). (2, с. 253.)

Ты простер руку Твою с высоты и *извлек душу мою* из этого глубокого мрака, когда мать моя, верная Твоя служанка, оплакивала меня перед Тобою больше, чем оплакивают матери умерших детей. Она видела мою смерть в силу своей веры и того духа, которым обладала от Тебя, – и Ты услышал

ее, Господи. Ты услышал ее и не презрел слез, потоками орошавших землю в каждом месте, где она молилась; Ты услышал ее. (1, с. 44.)

Видение Сына Человеческого дается и грешным, тогда как видение образа Божия – только лишь чистым сердцем, *ибо они Бога узрят* (Мф. 5: 8); т. е. только благочестивым, по любви которых Он обещает им то, что покажет Себя им. (5, с. 51.)

От Тебя, Бога нашего, этот мир совсем иной, чем Ты, не имеющий самостоятельного существования. Не только до него не было времени, но и в нем его нет, ибо способен он всегда взирать на Лицо Твое, никогда от него не отвращаясь. Поэтому нет в нем изменения и перемены, хотя ему свойственна изменчивость, которая могла бы окутать его мраком и холодом, если бы не был он связан с Тобой великой любовью, которой по милости Твоей сияет и горит, словно вечный полдень. (1, с. 223–224.)

О, Ты, благий и всемогущий. Ты, Который заботишься о каждом из нас так, словно он является единственным предметом Твоей заботы, и обо всех так, как о каждом! (1, с. 44.)

Зову Тебя, Боже мой, милосердие мое; Ты создал меня и забывшего Тебя не забыл. (1, с. 242.)

Можно ли мне услышать от Тебя, Который есть Истина, можно ли преклонить ухо моего сердца к устам Твоим и узнать от Тебя, почему плач сладок несчастным? Разве Ты, хотя и всюду присутствуя, отбрасываешь прочь от себя наше несчастье? Ты пребываешь в Себе; мы кружимся в житейских испытаниях. И, однако, если бы плач наш не доходил до ушей Твоих, ничего не осталось бы от надежды нашей. (1, с. 51.)

Мир – это действительно великое благодеяние, но, по большей части, как и солнце, как дожди, как и другие полезные для жизни вещи, благодеяние Бога истинного неблагодарным и негодным. (2, с. 128.)

Даешь Ты понять, сколь велики разумные создания Твои, которым покой и счастье можешь дать только Ты... Ты же, Боже наш, осветишь темноту нашу, оденешь нас, *и мрак наш будет как полдень* (Ис. 58: 10). (1, с. 246.)

Кто-нибудь скажет: ...почему же... божественное милосердие простерлось и на нечестивых и неблагодарных? А потому, полагаю, что его оказал Тот, Который ежедневно *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5: 45). Хотя некоторые из них, размышляя об этом, исправляются от своей нечестивости покаянием, а некоторые, как говорит апостол, презирая богатство благодати и долготерпения Божия, по жестокости своей и непокаянному сердцу, собирают себе *гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его* (Рим. 2: 4–6); однако терпение Божие призывает к покаянию злых, как бич Божий учит терпению добрых. Так же точно терпение Божие обнимает своим покровительством добрых, как божественная строгость стережет для наказания злых. Ибо такие блага справедливым, которыми бы не пользовались несправедливые, и такие бедствия нечестивым, от которых бы не страдали добрые, божественному провидению угодно уготовить в жизни будущей. А эти временные блага и бедствия оно пожелало сделать общими для тех и других. Это для того, чтобы не было слишком жадного стремления к благам, которые оказываются в распоряжении и людей злых, и нравствен-

ного отвращения от бедствий, от которых очень часто страдают и люди добрые. (2, с. 12.)

Ни одно злое существо не могло быть создано благим Богом. (1, с. 73.)

Обманами с удивительным лукавством пользуются злые демоны, которые одинаково держат в своей власти как обманывающих, так и обманываемых, и от власти этой не может освободить ничто, кроме благодати Божией через Господа нашего Иисуса Христа. (2, с. 227.)

Господи, Боже наш... Наше благо всегда у Тебя, и, отвращаясь от него, мы развращаемся. Припадем к Тебе, Господи, да не упадем: у Тебя во всей целости благо наше – Ты Сам: мы не боимся, что нам некуда вернуться, потому что мы рухнули вниз: в отсутствие наше не рухнул дом наш, вечность Твоя. (1, с. 61.)

Истинным... и прочным счастьем наслаждаются добродетельные почитатели Бога, Который один только может даровать его. (2, с. 102.)

Имя Христово освободило людей от тартарского ига... нечистых властей и преступного сообщества с ними, и от... ночи губительного бесчестья привело к свету спасительного благочестия! (2, с. 113.)

Наши настроения, наша любовь, нечистота духа нашего увлекают нас вниз; мы ведь любим свои заботы; но Ты, Святой, поднимаешь нас вверх. (1, с. 245.)

Истиннейший и могущественнейший Очиститель и Спаситель затем и принял на Себя всего человека, чтобы не искали иного очищения. (3, с. 170.)

Господи, Боже мой... Ты... вел меня в глубокой тайне Промысла Твоего и обращал лицом к постыдным заблуждениям моим, чтобы я их увидел и возненавидел. (1, с. 68.)

Ты благословляешь, Господи, людей *расти, размножаться и наполнять землю* (Быт. 1: 28), не упрекая ли этим на что-то, что мы должны понять? Почему не дал Ты такого благословения ни свету, который назвал днем, ни тверди небесной, ни све-

тилам и звездам, ни земле и морю? Я хотел бы, Боже наш, сказать, что Ты, сотворивший нас по образу Твоему, пожелал одарить этим благословением только человека. (1, с. 259–260.)

Ты, Господи, не давал мне передохнуть в тайниках сердца моего: в суровой милосердии Своем бичевал Ты меня двойным бичом страха и стыда, чтобы я опять не отступил, чтобы оборвал эту тонкую и слабую, но еще державшуюся веревку, а то она опять наберет силы и свяжет меня еще крепче. (1, с. 133.)

Ты милосердно отпустил мне, сохранив меня, полного грязи и мерзости, от морских вод и приведя к воде благодати Твоей. (1, с. 70.)

Необходима... помощь того истинного Бога, Который посылает святых и истинно благочестивых мужей, умирающих за истинную религию, дабы избавить живых от религии ложной. (2, с. 224.)

Всякое благо – от Тебя, и от Господа моего – спасение мое. Я понял это гораздо позже, хотя уже тогда Ты взывал ко мне, ниспосылая Свои дары. (1, с. 8.)

Христос... Который Своим спасительнейшим учением воспрещает почитание ложных и лживых богов и, осуждая с божественною властью вредные и мерзкие человеческие страсти, от тлеющего и во зле лежащего мира мало-помалу возносит Свою семью и создает из нее вечный и по суду истины, а не по суетному одобрению, славнейший град. (2, с. 90.)

При всяком горьком разочаровании, сопровождавшем, по милосердию Твоему, наши мирские дела, мы искали смысла своих страданий. (1, с. 91.)

На вопрос иудеев, кто Он, Спаситель отвечал, что Он – *от нагала Суций* (Иоан. 8: 23). Будучи плотскими, слабыми, подверженными греху и омраченными неведением, мы, конечно, не могли бы понять этого, если бы не были очищены и исцелены Им; потому что мы и были, и вместе с тем – не были. Были людьми, но не были праведными. В воплощении же Его была человеческая природа, но она была праведная, а не грешная. В этом и состояло посредничество, которым простерта была рука помощи падшим и лежащим;

это – семя, вмещенное ангелами (Гал. 3: 19), в изречениях которых был дан закон, повелевавший почитать единого Бога, и обетования будущего пришествия Этого Посредника. (3, с. 147.)

Ты... Господи, приемля фимиам святого храма Твоего, призри ко мне по великому милосердию Твоему, и, продолжая благое промышление Твое, истребляй несовершенства мои. (1, с. 157.)

Бог, Виновник и Податель счастья, – поскольку один есть истинный Бог, – Сам раздает земные царства и добрым, и злым. И делает Он это не без разбора и как бы случайно (ибо Он – Бог, а не Фортуна), но сообразно с порядком вещей и времен, – порядком, для нас сокровенным, а Ему вполне известным. Этому порядку Он не подчинен, однако же, рабски, а царствует над ним, как Владыка, и располагает им, как Правитель. Но счастье Он ниспосылает только добрым. Это счастье могут иметь и не иметь подданные, могут иметь и не иметь царствующие. Полным оно будет в той жизни, где никто уже не будет рабом. Поэтому земные царства Он дает и добрым, и злым, чтобы Его почитатели, еще младенцы в духовном своем со-

вершенствовании, не желали от Него этих даров, как чего-то великого. (2, с. 230.)

Не так остры глаза мои, чтобы рассмотреть, как Ты действуешь, это выше сил моих, не могу постичь сам, но смогу с Твоей помощью, когда Ты подашь ее, сладостный свет внутреннего взора моего. (1, с. 204.)

Истинный Посредник, Который, приняв образ раба, сделался Посредником между Богом и людьми, человек Христос Иисус, хотя в образе Бога и принимает жертву вместе с Отцом, с Которым Он – Бог единый, однако в образе раба предпочел скорее быть жертвой Сам, чем принимать ее, дабы и по этому поводу кто-нибудь не подумал, что жертва приличествует какой-нибудь твари. Таким образом, Он – и Священник, приносящий жертву, и в то же время Сам – приносимая Жертва. Повседневным таинством этого Он благоволил быть жертвоприношению Церкви, которая, будучи телом этой Главы, считает приносимой через Него саму себя. (3, с. 140–141.)

Господи, Ты постепенно умирил сердце мое, касая его столь кроткой и жалостливой рукой. (1, с. 83.)

Справедливо... установлены награды за добрые дела и наказания за грехи. Ибо человек не потому грешит, что Бог знал наперед, что он согрешит; напротив, потому-то и не подлежит сомнению, что грешит именно он, когда грешит, что Тот, чье предвидение обманываться не может, знал наперед, что не судьба, не фортуна и не что-либо иное, а именно он и согрешит. Если он не захочет, он, конечно, не согрешит; но и о нежелании его грешить Бог также знал наперед. (2, с. 258–259.)

Истинный же Посредник, Которого в таинственном милосердии Твоем явил Ты людям, послав к ним, чтобы на Его примере научились они настоящему смирению, Посредник между Богом и людьми, человек Христос Иисус встал между смертными грешниками и Бессмертным и Праведным – смертный, как люди, праведный, как Бог. А так как награда праведности – жизнь и мир, то праведностью, соединявшейся с Богом, Он изгнал смерть для оправдания грешников, пожелав приобщиться к ней вместе с ними. Он явлен был древним святым, дабы они спаслись верой в будущие страдания Его, как спасены мы верой в бывшие. Как человек, Он Посредник, а как Слово, Он не стоит посередине,

ибо Он равен Богу, Он Бог у Бога и единый Бог вместе с Богом. (1, с. 189.)

Бог, обращаясь к опасующимся умереть, то есть отделиться от тела, успокаивает их, обещая им бессмертие не в силу их природы, которая сложна, а не проста, но по Своей непреодолимой воле, по которой Он может сделать то, чтобы рожденное не умирало и соединенное не разрушалось, но пребывало нетленным. (3, с. 309–310.)

В... низших радостях есть своя улада, но не такая, как в Боге моем, Который создал всё, ибо в Нем наслаждается праведник, и Сам Он наслаждение для праведных сердцем. (1, с. 28.)

Никоим образом нельзя думать, чтобы Бог, высочайший и истинный со Словом Своим и Святым Духом, Которые три суть одно, Бог – единый и всемогущий Творец и Создатель всякой души и всякого тела, общением с Которым счастливы все, которые счастливы истинно, а не суетно; Бог, сотворивший человека разумным животным из души и тела, не допустивший остаться ему безнаказанным, когда он грешит, но не лишивший его и Своего милосердия,

давший добрым и злым общую сущность с камнями, жизнь растительную – общую с деревьями, жизнь чувственную – общую с животными, жизнь интеллектуальную – общую с одними Ангелами; от Которого всякий образ, всякий вид, всякий порядок; от Которого мера, число и вес; от Которого все, что происходит естественным образом, какого бы рода и какого значения оно ни было; от Которого происходят элементы форм, формы элементов, движение элементов и форм; давший и плоти начало, красоту, доброе состояние здоровья, соразмерное расположение членов, надлежащую гармонию; давший и неразумной душе память, чувства, способность желать, а разумной, сверх того, ум, понимание, волю; не оставивший не только неба и земли, не только ангела и человека, но и внутренностей самого малого и самого презренного одушевленного, и перышка птицы, и цветка травы, и листка дерева без того, чтобы не дать им известной соразмерности в их частях и в своем роде взаимного мира, – никоим образом нельзя подумать, чтобы Бог судил оставить вне законов и провидения Своего царства человеческие и их положения, господственные и подчиненные. (2, с. 259–260.)

Христианская религия, чем она истиннее и святее, тем с большей силой и свободой ниспро-

вергнет все ложные измышления, чтобы благодатью истиннейшего Спасителя освободить человека от тех богов, которых создал сам человек, и подчинить его тому Богу, Который создал самого человека. (3, с. 46.)

Ты, Всемилостивый Господи, разве не простил мне... грех и не отпустил его вместе с другими, страшными и смертными, омыв меня святой водой? (1, с. 138.)

То, что Ною, человеку праведному и, как выражается о нем на своем правдивом языке Писание, *непорочному в роде своем* (Быт. 6: 9) (не так, разумеется, непорочно, как будут непорочны граждане града Божия в том бессмертии, которым они сравниваются с Ангелами Божиими, но так, как могут быть они непорочны в этом своем странствии), Бог повелел сделать ковчег, в котором бы он со всеми своими, т. е. с женой, сыновьями и невестками, а также и с животными, которые вошли к нему в ковчег по заповеди Божией, мог спастись от потопа, – то, без всякого сомнения, служит образом странствующего в этом веке града Божия, т. е. Церкви, получившей спасение посредством дерева, на котором был распят *посредник между*

Богом и человеками, человек Христос Иисус (1 Тим. 2: 5). (4, с. 129–130.)

Если ведущие в силу истинного благочестия добродетельную жизнь владеют искусством управлять народами, то ничего не может быть счастливее для человечества, если по милосердию Божию они получают власть. Такие люди все добродетели свои, какие только могут иметь в этой жизни, приписывают единственно благодати Божией, которая их дала им соответственно их желаниям, вере, молитвам, и в то же время понимают, как много недостает им до совершенства в правде, составляющего принадлежность того сообщества ангелов, войти в которое они стремятся. Как бы ни хвалили и ни превозносили ту добродетель, которая без истинного благочестия повинуется человеческой славе, она не может сравниться даже с маленькими ростками добродетели в святых, которые видят свою надежду в благодати и милосердии истинного Бога. (2, с. 284.)

Тебе хвала, Тебе слава, Источник милосердия. Я становился всё несчастнее, и Ты всё ближе. Надо мной была уже десница Твоя, готовая вот-вот захватить меня из грязи и омыть, но я не знал этого. От омута плотских наслаждений, еще более глубоко-

го, меня удерживал только страх смерти и будущего Суда Твоего, который, при всей смене моих мыслей, никогда не покидал моего сердца. (1, с. 96.)

Власть раздавать царствования и правления мы должны приписать только истинному Богу, Который в царстве небесном дает счастье одним благочестивым, а царство земное – и благочестивым, и нечестивым, как бывает угодно Ему, Которому ничто несправедливое не угодно. (2, с. 286.)

Граждан земного града рождает испорченная грехом природа, а граждан града небесного рождает благодать, освобождающая природу от греха; поэтому первые называются сосудами гнева Божия, а последние – сосудами милосердия (Рим. 9: 22–23). (4, с. 69.)

Я... думая о дарах Твоих, Боже Невидимый, которые Ты вкладываешь в сердца верных Твоих... радовался и благодарил Тебя. (1, с. 149.)

Для того Он [Христос – С. М.] принял на Себя всего человека, кроме греха, чтобы спасти от яз-

вы грехов все, из чего состоит человек. О, если бы и ты познал Его и полное свое исцеление доверил Ему, а не своей человеческой, немощной и слабой добродетели и опаснейшему любопытству! (3, с. 153.)

Если Сын Божий, будучи Судьей в том образе, в котором Он равен Отцу, явится даже нечестивым, что же тогда по поводу того, что Он обещает много Его возлюбившему: *И Я возлюблю его и явлюсь ему Сам?* (Ин. 14: 21). (5, с. 49.)

С того дня, как я узнал Тебя, Ты пребываешь в памяти моей, и там нахожу я Тебя, когда о Тебе вспоминаю и радуюсь в Тебе. Это святая отрада моя, которой Ты милостиво одарил меня, оглянувшись на мою нищету. (1, с. 172.)

Мы чтим Бога, Который установил для созданных Им тварей начала и цели их бытия; Который содержит, знает и располагает причины вещей; Который сотворил силу семян, дал живым существам, которым захотел, разумную душу, называемую духом, даровал способность речи, сообщил некоторым духам дар предска-

ния будущего, хотя порой и Сам предрекает будущее и исцеляет болезни, через кого Ему угодно; Который распоряжается началом, течением и завершением войн, когда ими надлежит исправлять и очищать человеческий род; Который для растворения беспредельной природы сотворил все сжигающий огонь и управляет им; Который есть Творец и Правитель всех вод; Который создал солнце, светлейшее из всех телесных светил, и дал ему соответствующее движение и силу; Который простирает Свою власть и владычество и на самую преисподнюю; Который определил семена и пищу смертным животным соответственно их природе; Который полагает основание земле и делает ее плодородной, щедро раздавая ее плоды животным и людям; Который знает и упорядочивает причины не только главные, но и второстепенные; Который указывает направления небесным и земным путям; Который человеческому разуму, Им сотворенному, сообщил знание различных наук; Который установил брак мужа и жены для продолжения человеческого рода. (2, с. 386–387.)

Мне сладостно поведать Тебе, Господи, о тех тайных уколах, которыми Ты укрощал меня, о том, как поверг меня ниц. (1, с. 139.)

Благодаря... одной истинной религии обнаружилось, что боги язычников суть нечистые демоны, которые под видом душ умерших или мировых тварей желали почитаться в качестве богов, надменно услаждались якобы божескими почестями, а на деле – вещами преступными и гнусными, не допуская обращения человеческих душ к истинному Богу. От их зверского и нечестивого господства человек освобождается, когда начинает веровать в Того, Который для восстановления падшего явил пример такого же уничтожения, с какой гордостью они пали. (2, с. 389.)

Христианин... знает, что от единого, истинного и всеблагого Бога мы получили и природу, по которой оказываемся сотворенными по образу Его, и учение, из которого познаем и Его, и себя, и благодать, по которой мы, прилепляясь к Нему, делаемся блаженными. (3, с. 20–21.)

Счастливыми как нас, так и детей наших делают не богатства, которые мы можем потерять еще при своей жизни или которые после нашей смерти могут перейти во владение таких людей, которых мы не знаем, или таких, которых мы не желаем.

Счастливыми делает Бог, Который есть истинное богатство души. (2, с. 275–276.)

Люди... получившие благодать Божию, сограждане святых Ангелов, пребывающих в блаженной жизни, так облекутся в тела духовные, что не будут более ни грешить, ни умирать. Бессмертие их, подобное ангельскому, не в состоянии будет уничтожить грех; в телесной же природе, хотя она и будет сохранена, уже совершенно не останется никакого тления или косности. (3, с. 335.)

Мы через Ходатая примиряемся с Богом и получаем Духа Святого, чтобы из врагов сделаться сынами. (10, с. 30.)

Ты позволяешь... по милости Своей называться нам слугителями Твоими. (1, с. 147.)

Нужно искать такого Посредника, Который был бы не только человеком, но и Богом, чтобы блаженная смертность этого Посредника могла возвести людей от смертного злополучия к бла-

женному бессмертию. Он должен был и сделаться смертным, и в то же время остаться не смертным. И Он сделался смертным не потому, что божественность Слова лишилась силы, а потому, что принял на Себя слабость плоти; но и во плоти Он не остался смертным, а воскресил ее из мертвых: потому что посредничество Его принесло именно те плоды, что сами смертные, ради освобождения которых Он сделался Посредником, не остались в постоянной смерти, хотя и облечены плотью. Для этого Посреднику между нами и Богом и надлежало иметь преходящую смертность и пребывающее блаженство, чтобы через преходящее уподобиться подлежащим смерти, а через пребывающее возвести от мертвых. Поэтому добрые Ангелы не могут быть существами, занимающими середину между злополучными смертными и блаженными бессмертными, ибо сами они и блаженны, и бессмертны; но могут быть такими ангелы злые, так как они бессмертны с блаженными и злополучны со смертными. Противоположность им представляет благой Посредник, Который, в отличие от их бессмертия и злополучия, соблаговолил быть на время смертным и при этом остаться вечно блаженным, и, таким образом, уничтожением Своей смерти и благостью Своего блаженства ниспроверг этих бессмертно-гордых и злополучно-вредных духов, дабы они тщеславием

бессмертия не прельщали к злополучию, – ниспроверг в тех, сердца которых освободил от их нечистейшего господства, очистив верою в Себя. (3, с. 85.)

На случай... плена есть в Святых Писаниях наших великие утешения. Были в плену три отрока, был Даниил, были и другие пророки, и всегда с ними был Бог-утешитель. Не оставит верных Своих под господством народа, варварского, но человеколюбивого, Тот, Кто не оставил пророка Своего даже во чреве китовом. (2, с. 26.)

Посредник... смертный и блаженный для того и предложил Себя, чтобы, разделив смерть, сделать из мертвых бессмертных (что показал Он на Самом Себе Своим воскресением) и из злополучных – блаженных (ибо блаженным не переставал быть никогда). (3, с. 86.)

Ты исцелил меня от... болезни и спас сына служанки Твоей, пока еще только телесно, чтобы было кому даровать спасение более действительное и надежное. (1, с. 72.)

Нужен... Посредник, Который, приобщившись к нам смертностью тела, по бессмертной праведности Духа, устраняющей в отношении к высочайшему значению расстояния мест и придающей значение только превосходству подобия, подал бы нам для очищения и освобождения поистине божественную помощь. Как неизменному Богу, Ему, во всяком случае, нечего было бояться осквернения со стороны человека, в которого Он облекся, или со стороны людей, между которыми Он обращался как человек. Немалую в то же время важность имеет то, что Своим воплощением Он дал спасительное доказательство того, что, с одной стороны, истинное Божество не может оскверняться плотью, с другой, что демоны не должны считаться лучше нас потому, что не имеют плоти. Мы говорим о Том, о Ком проповедует Священное Писание, говоря, что *един посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус* (1 Тим. 2: 5). (3, с. 91–92.)

Я полагал бы себя глубоко несчастным, лишившись женских объятий, и не думал, что эту немощь может излечить милосердие Твое: я не испытал его. Я верил, что воздержание зависит от наших собственных сил, которых я за собой не замечал; я не знал, по великой глупости своей, что написало:

Никто не может быть воздержанным, если не дарует Бог (Прем. 8: 21). А Ты, конечно, даровал бы мне это, если бы стон из глубины сердца поразил уши Твои, и я с твердой верой переложил бы на Тебя заботу свою. (1, с. 92–93.)

Мы старались указывать, сколько и каким именно образом посредством имени Христова, которому варвары вопреки военным обычаям воздавали так много уважения, – сколько и каким образом среди бедствий войны оказал помощи добрым и злым Бог, Который заставляет Свое солнце светить на добрых и злых и попускает идти дождям на праведных и неправедных (Мф. 5: 45). (2, с. 181.)

Бог знал... что множество благочестивых будет призвано Его благодатью к усыновлению и, после отпущения грехов и оправдания Духом Святым, соединится в вечном мире со святыми Ангелами, когда истребится последний враг – смерть. Этому-то обществу и должно было принести пользу представление о том, что Бог произвел род человеческий от одного человека для указания людям того, как приятно Ему единство в среде множества. (3, с. 278–279.)

Сам Господь, благоволивший проводить человеческую жизнь в образе раба, но не имевший совершенно никакого греха, имел эти [душевные движения – С. М.] расположения в тех случаях, в каких полагал должным их иметь. И не было ложным человеческое чувство в Том, в Ком были истинное тело человека и истинная человеческая душа. Итак, говорится отнюдь не ложно, когда рассказывается в Евангелии Его, что Он с гневом скорбел об окаменении сердец иудеев (Мк. 3: 5); что говорил: *Радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали* (Ин. 11: 15); что, приступая к воскрешению Лазаря, проливал слезы (Ин. 11: 35); что возжелал с учениками Своими есть пасху (Лк. 22: 15); что, когда приближалось страдание, скорбела душа Его (Мф. 26: 38). И Он в целях известного домостроительства воспринял эти движения человеческою душой, когда восхотел, так же, как сделался человеком, когда восхотел. (4, с. 23.)

Господи... Ты знаешь невежество мое и слабость мою: научи меня и исцели меня. Твой единственный Сын, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения (Кол. 2: 3), выкупил меня Своей Кровью. (1, с. 190.)

Чудеса подтверждают ту религию, которая запрещает приносить жертвы всему небесному, земному и преисподнему, но велит приносить их только единому Богу, Который один делает нас блаженными, любя нас и будучи любим нами, – Который, отводя определенные времена для жертвоприношений и предсказывая их изменения на лучшие через наилучшего Священника Своего, свидетельствует тем, что Он не желает этих жертв, а указывает ими на лучшие; и указывает не для того, чтобы этого рода почестями возвыситься Самому, а для того, чтобы, воспламенив огнем любви к Нему, возбудить нас к почитанию Его и к соединению с Ним, что составляет благо для нас, а не для Него. (3, с. 137.)

Ты уязвил сердце наше любовью Твоею, и в нем хранили мы слова Твои, пронизавшие утробу нашу. Мы собрали образы рабов Твоих – Ты осветил их темных, оживил мертвых – и погрузились в размышление над ними. Их пример жег нас, уничтожал окаменелое бесчувствие, мешал скатиться в бездну. (1, с. 137.)

Вот Ты здесь, Ты освобождаешь от жалких заблуждений и ставишь нас на дорогу Свою, и утешаешь. (1, с. 96.)

Он [враг – С.М.] считает проступки наши; ищет, в чем бы обвинить, и ничего не находит в Том, в Ком мы победили. Кто вернет Ему кровь невинную? Кто заплатит цену, которой Он нас купил, чтобы отобрать от врага? (1, с. 153.)

Ты видишь... Господи, – и молчишь, – *долготерпеливый, многомилостивый и справедливый* (Пс. 102: 8). Всегда ли будешь молчать? И сейчас вырываешь Ты из этой бездонной пропасти душу, ищущую Тебя и жаждущую улады Твоей. (1, с. 20.)

Доброе во мне устроено Тобою, это дар Твой; злое во мне – от проступков моих, осужденных Тобою. (1, с. 156–157.)

Наградой... [добрых – С. М.] дел служит вечное счастье, которое подает Бог одним только действительно благочестивым. Все же остальные дары настоящей жизни, достоинства ли то или средства, равно как и сам мир, свет, воздух, земля, вода, плоды, душа самого человека, тело, чувства, ум, жизнь, – раздаются без различия и добрым, и злым. К числу этих даров принадлежит и всякого

рода величие власти, которое дается для временного управления. (2, с. 296–297.)

Вся надежда моя только на великое, великое милосердие Твое. Дай, что повелишь, и повели, что хочешь. (1, с. 174.)

Бог создал людей не как Ангелов, – не так, чтобы и, согрешив, они вовсе не могли умирать, но так, что, исполни они долг повиновения, получили бы без посредства смерти ангельское бессмертие и блаженную вечность, а не исполни они этого долга, смерть послужила бы для них справедливым наказанием. (3, с. 287.)

Благодать Божия лучше и не могла высказаться, как высказалась в том, что единородный Сын Божий, непреложно в Себе пребывающий, облекся в человека и даровал нам упование Своей любви при посредстве человека, дабы через Него люди приходили к Тому, Который был столь далек от них, как бессмертный от смертных, блаженный от злополучных. И поскольку Он от природы вложил в нас желание быть блаженными и бессмертными, то, пребывая блаженным и приняв на себя смерт-

ного, чтобы дать нам то, что мы любим, страданиями Своими научил нас презирать то, чего мы боимся. (3, с. 158.)

Меня, пришельца, восприняло и утешило сострадательное милосердие Твое, как слышал я еще от плотских родителей моих, отца и матери. (1, с. 7.)

Исповедуюсь Тебе, Господи, мой Помощник и мой Искупитель, и расскажу, как освободил Ты меня от пут плотского вожделения (они тесно оплели меня) и от рабства мирским делам. (1, с. 125.)

Вечную жизнь, т. е. бесконечное счастье, дает один Тот, Кто дает истинное счастье. (2, с. 336.)

В Писаниях, указывающих... путь, предсказаны и обетованы: Христос, имеющий прийти во плоти, и то, что совершилось в Нем и исполнилось во имя Его; покаяние людей и обращение их воли к Богу; прощение грехов; благодать праведности; вера благочестивых и по всей вселенной множество верующих в истинное Божество; ниспровержение почитания идолов и демонов, и укрепление через ис-

кушения; очищение преуспевающих и освобождение их от всякого зла; день суда; воскресение мертвых; вечное осуждение общества нечестивых и вечное царство славнейшего града Божия, наслаждающегося бессмертно лицезрением Бога. (3, с. 171–172.)

Посмотри в сердце мое, Господи: Ты ведь захотел, чтобы я вспомнил об этом и исповедался Тебе. Да прилепится сейчас к Тебе душа моя, которую Ты освободил из липкого клея смерти. Как она была несчастна! Ты поражал ее в самое больное место, да оставит всё и обратится к Тебе, Который выше всего и без Которого ничего бы не было; да обратится и исцелится. Как был я ничтожен, и как поступил Ты, чтобы я... почувствовал ничтожество мое! (1, с. 84–85.)

Грехи родителей, хотя не могут... изменить природе, однако связывают детей ответственностью, если бы не приходили в помощь дарованная благодать и Божие милосердие. (10, с. 39.)

Я не забыл и не умолчу ни о жестокости бича Твоего, ни о дивной скорости милосердия Твоего. (1, с. 142.)

Чтобы в... вере человек надежнее шел к истине, сама Истина – Бог, Сын Божий, восприняв человечество и не потеряв Божества, упрочил и утвердил эту самую веру, чтобы она была путем к Богу человека через Богочеловека. Он-то и есть Посредник между Богом и человеком – человек Иисус Христос. Вот почему Он – посредник, почему – человек и почему – путь. Если между тем, кто стремится чего-либо достигнуть, и целью, к которой он стремится, содействует путь, то существует и надежда на достижение цели. А если пути нет или путь, которым следует идти, неизвестен, то что пользы знать, куда следует идти? Единственный же совершенно надежный путь состоит в том, что Он же есть и Бог, и человек: как Бог – Он цель, к которой идут, как человек – Он путь, по которому идут. (3, с. 176.)

Я увидел и стало мне ясно, что Ты сотворил всё добрым и что, конечно, нет субстанций, не сотворенных Тобой. А так как Ты не всё сделал равным, то всё существующее – каждое в отдельности – хорошо, а всё вместе очень хорошо, ибо всё Бог наш создал *хорошо весьма* (Быт. 1: 31). (1, с. 110.)

Все... делает и всем управляет единый истинный Бог, причем именно как Бог, т. е. вездеприсущий, не ограниченный каким-либо пространством, не связанный какими-либо узами, не разделенный ни на какие части, ни в чем не изменяющийся и наполняющий небо и землю присутствием Своего могущества и полнотой Своей природы. Всем, что сотворил, Он управляет так, что оно и само, с Его ведома и изволения, совершает и исполняет свои собственные движения. Ибо хотя без Него ничего не может быть, однако же, сотворенное – это не то, что Он. Многое совершает Он и через Ангелов, но блаженными делает их только от Себя Самого. Равным образом, хотя по некоторым причинам Он и посылает Ангелов к людям, но делает блаженными людей не через Ангелов, а от Себя Самого. От этого единого истинного Бога мы и ожидаем будущей жизни. (2, с. 387.)

В Евангелии истина обещает святым и верным, что они будут равны Ангелам Божиим (Мф. 22: 30); им обещается также, что они войдут в жизнь вечную (Мф. 22: 46). (3, с. 196.)

Ты... Господи... повернул меня лицом ко мне самому, заставил сойти с того места за спиной, где я

устроился, не желая всматриваться в себя. Ты поставил меня лицом к лицу со мной, чтобы видел я свой позор и грязь, свое убожество, свои лишаи и язвы. И я увидел и ужаснулся, и некуда было бежать от себя. Я пытался отвести от себя взор свой, а... Ты вновь ставил меня передо мной и заставлял, не отрываясь, смотреть на себя: *погляди на неправду свою и возненавидь ее*. Я давно уже знал ее, но притворялся незнающим, скрывал это знание и старался забыть о нем. (1, с. 128.)

Для разумной или умной твари только Бог является тем Благом, через Которое она бывает блаженной. Итак, хотя не всякая тварь может быть блаженной... однако, которая может, та может не сама по себе, так как сотворена из ничего, а через Того, Кем сотворена. С достижением Его она блаженна, с утратой Его – несчастна. (3, с. 234.)

Разве что-нибудь может одолеть тайную болезнь нашу, если Ты, Господи, не бодрствуешь над нами со Своим врачеванием? Нет отца, матери и воспитателей, но присутствуешь Ты, Который нас создал, Который зовешь нас, Который, даже через злых людей, делаешь доброе, чтобы спасти душу. (1, с. 145.)

Господи Боже, любящий души, Твое сострадание неизмеримо чище нашего и неизменнее именно потому, что никакая печаль не может уязвить Тебя. (1, с. 35.)

Чтобы достигнуть... блага, нам нужен был один Посредник, а не многие, и именно Тот, через общение с Которым мы и блаженны, т. е. несотворенное Слово, Коим сотворено все. Впрочем, Он Посредник не потому, что – Слово: ибо бессмертное и блаженное Слово бесконечно удалено от злополучных смертных, а потому, что – человек. Этим самым Он показал, что для достижения не только блаженного, но и делающего блаженным блага мы не должны искать иных посредников, которые бы могли облегчить нам путь к нему; ибо блаженный и подающий блаженство Бог, сделавшись причастным к нашему человеческому роду, указал нам кратчайший путь для приобщения к Его боже-ству. Освобождая нас от смертности и злополучия, Он приводит нас не к бессмертным и блаженным Ангелам, чтобы через общение с ними и мы были блаженны и бессмертны, но к Самой Троице, через общение с Которой блаженны и сами Ангелы. Таким образом, соблаговолив принять образ раба (Флп. 2: 7), умаленный по сравнению с Ангелами

(Пс. 8: 6; Евр. 2: 7), Он в образе Божиим пребыл выше Ангелов и стал путем жизни в преисподней, будучи жизнью для небес. (3, с. 86–87.)

Наше бытие, хотя мы и созданы смертными, есть Божий дар. (3, с. 284.)

Мать... молилась... Ты же, присутствуя везде, услышал ее там, где была она, и сжалился надо мною там, где был я: телесное здоровье вернулось ко мне, еще больному кощунственным сердцем своим. (1, с. 71.)

Без сомнения, если не преступления, то последствия преступлений, которые по причине немощей настоящей жизни могут оставаться даже и в людях, сделавших большие успехи в добродетели... исцеляются только... Спасителем. (3, с. 154.)

Я малое дитя, но вечно жив Отец мой и надежен Хранитель мой; он родил меня и хранит меня. В Тебе все мои блага. Ты всемогущ. Ты всегда был со мной, был еще до того, как я пришел к Тебе. (1, с. 157.)

Ты, Господи Боже мой, и телу нашему – чтобы видеть – дал свет рукою неустанных служителей Твоих, солнца и луны, которые по повелению Твоему непрерывно днем и ночью служат сынам Твоим. Для дыхания Ты дал человеку чистоту воздуха, для слуха разнообразие голосов, для обоняния аромат, для вкуса качество его, для осязания Ты облек тело в чувственные составы. Для помощи в нуждах Ты дал скотов. Птицы, рыбы морские и плоды земные Ты назначил для подкрепления человека. Лекарства от всех его болезней сотворил на земле. Против всякого его зла приготовил всякое облегчение. Ибо Ты милостив и щедр и знаешь состав наш, Ты горшечник наш, а мы все – как глина в руке Твоей. (11, с. 124–125.)

За непозволительную самонадеянность и в справедливое осуждение первый человек... был низведен до... первоначального младенческого состояния... Если же, по благодати Ходатая, дети освобождаются от этих уз греха, то они могут подвергаться только той одной смерти, которая отделяет душу от тела; во вторую же смерть, служащую бесконечным наказанием, будучи освобождены от уз греха, не переходят. (3, с. 291.)

Ты, Господи, уничтожил все злые дела мои, чтобы не воздавать по делам рук моих, потрудившихся над отпадением моим, и предупредил все добрые дела мои, чтобы воздать рукам Твоим, создавшим меня: Ты ведь был, когда меня и не было и не стоил я того, чтобы Ты даровал мне жизнь. И вот я существую по благодати Твоей, существовавшей прежде, чем Ты создал и меня и то, из чего Ты создал меня. Ты ведь не нуждался во мне, и я не такая величина, чтобы быть Тебе в помощь, Господь мой и Бог мой. Моя служба не избавит Тебя от усталости: Ты не устаешь, действуя; мои услуги не увеличат Твоего могущества; почет, оказанный мной, не прибавит Тебе чести. Я должен служить Тебе и чтить Тебя, чтобы мне хорошо было с Тобой, от Которого и моя жизнь и возможность чувствовать себя хорошо. (1, с. 242.)

У всемогущего Бога и высочайше блаженного Творца не оказалось недостатка в предусмотрительной мудрости, чтобы и из осужденного человеческого рода наполнить Свой град известным предопределенным количеством граждан, выделяя их не по заслугам, ибо все люди без исключения подверглись осуждению в своем испорченном корне, а по благодати, и показывая освобожденным как на примере

их самих, так и на примере неосвобожденных, сколь велики Его им дары. Ибо всякому видно, что не по заслугам, а по незаслуженной и милосердной благодати он избавляется от зла. (4, с. 60–61.)

Никто не может быть спокоен за себя: если он мог стать из плохого хорошим, это еще не значит, что он не станет из хорошего плохим. Только надеяться, только полагаться на твердо обещанное Твое милосердие! (1, с. 178.)

Бог даровал вере такую благодать, что смерть, которая, как известно, противоположна жизни, сделалась средством для достижения жизни. (3, с. 293.)

Для тех, которые умирают за исповедание Христа, не приняв еще купели возрождения, она [смерть – С. М.] имеет такую же силу отпущения грехов, как и омовение святым источником крещения. Ибо сказавший: *Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие* (Ин. 3: 5), исключает их другим Своим изречением, в котором с такой же всеобщностью говорит: *Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10: 32). (3, с. 295.)

Горе человеческой жизни, даже похвальной, ели, отринув милосердие, Ты разберешь ее в мельчайших частях. Только потому, что Ты не расследуешь жестоко наших преступлений, мы доверчиво надеемся на какое-нибудь местечко у Тебя. Что перечисляет Тебе перечисляющий действительные заслуги свои, как не дары Твои? О, если бы люди поняли, что они только люди, а потому *хвалящийся, хвались о Господе* (2 Кор. 10: 17). (1, с. 152.)

Честная смерть святых, которым с такой благодатью была предпослана и испрошена смерть Христова, что для приобретения Его они, не колеблясь, умерли сами, показала, что в их пользу обращено то, что прежде было предназначено для наказания греха. (3, с. 296.)

Каждый, поскольку рождается от осужденного отростка, сначала по необходимости бывает по Адаму злым и плотским, а потом, когда, возродившись, возрастает во Христе, становится добрым и духовным, – так и в целом человеческом роде, лишь только существование... двух градусов стало выражаться сменой поколений рождающихся и умирающих, первым родился гражданин этого века, а

потом уже – чужой для этого века, принадлежащий к граду Божию, благодатью предназначенный, благодатью избранный, по благодати – странник земли, по благодати – гражданин неба. (4, с. 66–67.)

Проповедует христианская вера: что... первые люди были сотворены так, что если бы не согрешили, то никакою смертью не были бы отделены от своих тел, но, одаренные за соблюдение повиновения бессмертием, вечно жили бы вместе с ними; что и святые после воскресения будут иметь те же самые тела, в которых они здесь пребывали, что ни их плоть не будет испытывать какого-либо тления или затруднения, ни их блаженство не будет подвергаться какой-либо скорби или бесчестию. (3, с. 318.)

Я жалостно попадаюсь, и Ты жалостливо освобождаешь меня; иногда я этого не чувствую, потому что был захвачен слегка; иногда же мне больно, потому что застрял я крепко. (1, с. 181.)

Облекаемся... мы в образ перстного человека вследствие расположения преступления и смерти, которую нам дало рождение; но облакаемся в об-

раз небесного человека по благодати помилования и жизни вечной. Это дается нам возрождением и только через Ходатая Бога, человека Иисуса Христа (1 Тим. 2: 5)... потому что Он сошел с неба, чтобы облечься в тело земной смертности и чтобы облечь это тело в небесное бессмертие. Небесными он [апостол – С. М.] называет и других потому, что по благодати они бывают членами Его, чтобы Христос был с ними едино, как глава и тело. (3, с. 327.)

Царство... смерти до такой степени возоблададо над людьми, что увлекло бы всех, как к заслуженному наказанию, во вторую смерть, которой нет конца, если бы незаслуженная благодать Божия не спасла от нее некоторых. (4, с. 2.)

Ты видишь трепет сердца моего, и я чувствую, что Ты будешь вновь и вновь исцелять раны мои, но не перестанешь наносить их. (1, с. 187.)

Теперь... по... великой и чудной благодати Спасителя, кара греха обратилась на пользу правды. И тогда было сказано человеку: «умрешь, если согрешишь»; теперь же говорится мученику: «умирай, чтобы не согрешить». Тогда было сказано:

«если вы преступите заповедь, то смертью умрете»; теперь говорится: «если откажетесь от смерти, тем преступите заповедь». Чего тогда следовало бояться, чтобы не согрешить, то теперь нужно принимать, чтобы не согрешить. Таким образом, и само наказание пороков переходит по неизреченному милосердию Божию в орудие добродетели, и даже наказание грешника становится заслугой праведного. Ибо тогда смерть была приобретена посредством греха, а теперь посредством смерти совершается правда. (3, с. 292.)

Как же полюбил Ты нас, добрый Отец, что Сына Своего единственного не пожалел и предал Его за нас, нечестивых. Как полюбил Ты нас, за которых Он, *не погитал хищением быть равным Богу, но унижил Себя Самого, приняв образ раба, смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2: 6–8), Он единственно свободный среди мертвых, *имеющий власть от-дать жизнь и имеющий власть принять ее* (Ин. 10: 18). Он за нас пред Тобой победитель и жертва; и победитель потому, что жертва; Он за нас пред Тобой первосвященник и приношение, и первосвященник потому, что приношение; Он сделал нас из рабов сыновьями Тебе, от Тебя рожденный, нам послуживший. (1, с. 189–190.)

Сама [враждебная сила – С. М.] побеждается именем Того, Кто принял на Себя и представлял Собою человека без греха, чтобы в этом Священнике и в этой Жертве получалось отпущение грехов, т. е. через Посредника между Богом и людьми, человека Христа Иисуса, через Которого мы примиряемся с Богом по очищении от грехов. Ибо людей от Бога отделяют грехи, очищение от которых в настоящей жизни происходит не по нашей добродетели, а по божественному милосердию, по божественному снисхождению, а не по нашей власти. Да и сама добродетель, какова бы она ни была, хотя и называется нашей, подается нам божественной благодатью. Мы много бы приписали себе в этой плоти, если бы наша жизнь к отделению ее не была делом милости. Для того и дарована нам Посредником благодать, чтобы, оскверненные плотью греха, мы очищались подобием плоти греха. Этой божественной благодатью, которою Бог явил к нам великое Свое милосердие, мы водимся и в настоящей жизни через веру, и в будущей достигаем полного совершенства через лицезрение самой непреложной Истины. (3, с. 143–144.)

Дух... Святой врачует внутренним образом, чтобы врачеванию внешнему дать некоторую си-

лу. Иначе, если бы и Сам Бог, пользуясь подчиненным Себе творением, говорил в каком-либо человеческом образе, обращаясь только к человеческим чувствам, телесным ли, или подобным им, какие мы имеем во сне, но не оказывал бы влияния и не действовал бы на ум внутренней благодатью, никакая проповедь истины не принесла бы человеку пользы. Делает же это Бог, отделяя сосуды гнева от сосудов милосердия Своего, по сообщениям, Ему известным, весьма таинственным, но в то же время справедливым. Ибо с Его помощью, оказываемой удивительными и сокровенными способами, совершается обращение к уму, не умышляющему под управлением Божиим на злое, когда грех, обитающий в наших членах, – что представляет собою само наказание за грех, – не царствует, как сказал апостол (Рим. 6: 12–13), в нашем мертвенном теле так, чтобы мы повиновались его похотям и предоставляли ему наши члены в качестве орудий неправды; и человек находит в этом уме в настоящее время более спокойного правителя, а впоследствии, достигнув полного выздоровления и бессмертия, будет царствовать без всякого греха в вечном мире. (4, с. 75–76.)

Я думал... – и Ты был со мной; я вздыхал – и Ты слышал меня; меня кидало по волнам – и Ты руко-

водил мною; я шел широкой мирской дорогой, но Ты не покидал меня. (1, с. 84.)

Нет ничего нежнее Твоего милосердия, и нет любви спасительнее, чем любовь к правде Твоей, которая прекраснее и светлее всего в мире. (1, с. 29.)

Бог любит нас таких, какими мы будем, а не такими, какие мы есть. Ведь каких любит, таких и хранит вовеки; что будет тогда, когда Тот, Кто сейчас ходатайствует за нас, *предаст Царство Богу и Отцу*, так что уже не будет просить Отца, поскольку Отец Сам нас любит. За какую же заслугу, как не за веру, которой веруем прежде, чем увидеть то, что обещано? Ибо посредством нее мы достигаем видения того, что Он любит таких, какими Он хочет, чтобы мы были, а не таких, какими Он нас ненавидит, ибо мы таковы, и Он побуждает и способствует так, чтобы мы не желали оставаться такими всегда. (5, с. 40–41.)

Многочисленны и тяжки недуги мои, многочисленны и тяжки, но сильнее врачевание Твое. (1, с. 190.)

Такие истины, как святейшее воплощение, рождение Девы, смерть ради нас Сына Божия, воскресение из мертвых, вознесение на небо, сидение одесную Отца, прощение грехов, день суда, воскресение тел, мы и после познания вечности Троицы и изменяемости твари относим к милосердию всевышнего Бога, оказанному Им человеческому роду, еще только верой, а не разумением. (8, с. 438.)

Тяжкие войны стремятся к... миру, и то, что называется славной победой, достигает его. Когда побеждают те, которые боролись за справедливое дело, то кто станет сомневаться, что нужно радоваться победе и что настал желанный мир? Это – благо, и, несомненно, дар Божий. (4, с. 71–72.)

Вот сердце мое, Господи, вот сердце мое, над которым Ты сжалился, когда оно было на дне бездны. Пусть скажет Тебе сейчас сердце мое, зачем оно искало быть злым безо всякой цели. (1, с. 27–28.)

Взгляни, Отец, посмотри и одобри: да обрету милость у Тебя перед лицом милосердия Твоего, да откроется на мой стук сокровенное в словах

Твоих. Молю Тебя во имя Господа нашего Иисуса Христа, Сына Твоего, сидящего одесную Тебя, Сына Человеческого, Которого Ты доставил посредником между Тобой и нами, через Которого Ты искал нас, не искавших Тебя, чтобы мы искали Тебя; во имя Слова Твоего, через которое Ты создал всё, в том числе и меня; во имя Единственного Твоего, через Которого Ты усыновил верующих, в том числе и меня; умоляю Тебя во имя Его, сидящего одесную Тебя, нашего Ходатая. (1, с. 193.)

О Нем [Христе – С. М.]... сказано, что Он Тот, Кто оправдывает нечестивого (Рим. 4: 5); о Нем же сказано, что Он Тот, Кто явится праведным и оправдывающим (Рим. 3 26). Следовательно, если Он прославил тех, кого оправдал, то Тот, Кто оправдывает, Сам же и прославляет, т. е. Он, как я сказал, Господь славы. (5, с. 44.)

Благодарю Тебя, радость моя, честь моя, опора моя, Боже мой; благодарю Тебя за дары Твои: сохрани их мне. Так сохранишь Ты меня и то, что Ты дал мне, увеличится и усовершится, и сам я буду с Тобой, ибо и самую жизнь Ты даровал мне. (1, с. 22.)

Известно, что все, чего мы желаем, сводится к счастью, которое суть не богиня, а дар Божий. Поэтому людям не следует почитать никакого другого бога, кроме Того, Который может сделать их счастливыми. (2, с. 233.)

Да не скажу таких слов: *лучше бы этого мира не было!* Если бы я знал только его, то я пожелал бы лучшего, но и за него одного должен был бы восхвалять Тебя, ибо... Ты достоин хвалы... Да хвалят Тебя и с небес, да хвалят Тебя, Боже наш. (1, с. 110.)

Ты заповедуешь мне *славить Господа и петь имени Твоему, Всевышний* (Пс. 91: 2), ибо Ты – Бог всемогущий и всеблагий, и то, что Ты соделал, Художник и Промыслитель... кто еще соделает? (1, с. 11.)

Мы почитаем Бога, но не небо и землю, из которых состоит мир, и не душу или души, разлитые по всем живым существам; Бога, сотворившего небо и землю, и все, что на них находится, создавшего не только живые души, но и их чувства и разум. (2, с. 385.)

Христе Иисусе... Ты, истинная и наивысшая Сладость... Ты, Который сластнее всякого наслаждения, только не для плоти и крови, светлее всякого света, но сокровеннее всякой тайны, выше всяких почестей, – но не для тех, кто возвышается сам... Я лепетал перед Тобой, Свет мой, богатство мое и спасение, Господи, Боже мой. (1, с. 136.)

Бог, обладающий высочайшим бытием и создавший всякую сущность, не имеющую высочайшего бытия (потому что и не должно быть равным Ему то, что создано из ничего и что никоим образом не могло бы быть, если бы не было создано Им), не должен порицаться за встречающиеся какие-либо недостатки, но должен восхваляться при рассмотрении всякого естества. (3, с. 241.)

Сотворил Ты вначале небо и землю единым действием Твоим. Кто это понимает, пусть восхвалит Тебя, и кто не понимает, пусть восхвалит Тебя! (1, с. 213.)

Рассмотрел я грехи мои, которыми болею, подчиняясь тройному вожделению, и воззвал к десни-

це Твоей для спасения моего. Увидел я, раненный сердцем, сияние Твое и, ослепленный им, сказал: «Кто может его выдержать?» (1, с. 188.)

Да воспрянет... в Тебе душа наша от усталости: опираясь на творения Твои, пусть дойдет к Тебе, дивно их сотворившему: у Тебя обновление и подлинная сила. (1, с. 62.)

Мы теперь испытываем побуждение делать добро, после того, как сердце наше зачало от Духа Твоего мысль об этом; раньше нас, покинувших Тебя, подвигало на злое; Ты же, Господи, Единый, Благой, не прекращал творить добро. И у нас есть, по милости Твоей, некие добрые дела. (1, с. 269–270.)

Вера моя была иногда крепче, иногда слабее, но всегда верил я и в то, что Ты есть, и в то, что Ты заботишься о нас. (1, с. 84.)

Господи, Боже мой... Ты для Себя Сам – вечная Радость, и те, кто вокруг Тебя, всегда радуются о Тебе. (1, с. 122.)

Благодарим Тебя, Боже наш! Мы Твои: вразумления и утешения Твои говорят об этом. (1, с. 138.)

Возлюблю Тебя, Господи, потому что Ты прежде возлюбил меня. Но где найду выражения на изъяснение знаков великой любви Твоей ко мне, ради бесчисленных благодеяний Твоих, которыми Ты меня воспитывал с самого начала? Ты меня сотворил из ничего, украсив светом лица Твоего, и малым чим умалил меня перед Ангелами. Но и это малым показалось перед лицом Божества Твоего, потому что Ты питал меня повседневными, особенными и великими дарами Твоих благодеяний и, как младенца Твоего, сосцами Твоего утешения отдоил и укрепил. Ибо все сотворенное Тобою отдал на службу мне, чтобы я Тебе одному служил. (11, с. 123—124.)

О, неизмеримая благодать! О, невероятная любовь! Для избавления раба послал Ты Сына. Бог стал Человеком, чтобы погибший человек был избавлен от власти демона. Как милосерд, Человеколюбец, Сын Твой, Которому недовольно казалось, что Он уничтожил Себя, ставши Человеком, и Который ещё подъял крестные мучения, излив кровь Свою для

спасения нас! Пришел Бог, пришел из любви Своей выискать и спасти погибшее. (11, с. 34.)

О, любовь! О, благодать! Кто когда слышал подобное? Кто не изумится такому благоутробию милосердия? Кто не удивится? Кто не возрадуется о преизбыточествующей любви Твоей, которою Ты нас возлюбил? (11, с. 34.)

Что мы воздадим Тебе, Боже наш, за благодеяния Твои? Какие хвалы принесем Тебе за милосердие Твое? Хотя бы мы имели ангельский разум и силу, и тогда мы не могли бы воздать ничего достойного такой любви Твоей. Если бы все наши члены превратились в языки, то для принесения Тебе достойных хвалений мы оказались бы все-таки бессильными и ничтожными. Ибо превосходит всякий разум Твоя невероятная любовь, которую Ты показал нам, так как Сын Твой уподобился нам во всем, кроме греха. (11, с. 34.)

Любовь возносит нас

Евангельский богач спрашивал у благого Учителя, что ему делать, чтобы наследовать жизнь вечную. И Учитель благой, которого тот считал человеком, и только, – а Он благ потому, что Он Бог, – сказал ему, что если он хочет прийти к жизни, то пусть соблюдает заповеди, удалит от себя горечь злобы и распутство, не убивает, не прелюбодействует, не крадет, не лжесвидетельствует, дабы показалась *сухая земля* и произрастила бы уважение к отцу и матери и любовь к ближнему. «*Всё это, – ответил богач, – я выполнил.* Откуда же, если земля плодоносна, столько терний?» «*Ступай, выкорчуй разросшуюся чашу жадности, продай имение свое, обогатись, раздавая бедным, и получишь сокровище на небесах; следуй за Господом, если хочешь быть совершенным* (Мф. 19: 16–22; Мк. 10: 17–22; Лк. 18: 18–23); присоединись к тем, к кому обращает мудрые слова Тот, Кто знает, чем наделить день и ночь. Узнай их и ты, чтобы они стали тебе светилами в тверди небесной; а это случится только, если там будет сердце твое, это же случится, если там будет сокровище твое. Такие слова услышал ты от Учителя благого». И омрачилась земля бесплодная, и тернии заглушили слова. (1, с. 254.)

Я скажу сам себе: что я сам для Тебя, что заповедуешь мне любить Тебя, и если я не буду любить Тебя, Ты вознегодуешь и ниспослешь великие бедствия. (1, с. 7.)

Так исполняются... две заповеди, в которых заключается весь закон и все пророки: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22: 37–39). Так как человек уже научился любить самого себя, то ему и указана цель, к которой он должен направлять все свои действия, чтобы быть блаженным. Ведь тот, кто любит самого себя, желает именно того, чтобы быть блаженным. Достижение этой цели и указано в единении с Богом. Итак, когда человеку, уже знающему, как любить самого себя, заповедуются любить ближнего, как самого себя, то, что другое ему заповедуются, как не то, чтобы он, насколько может, содействовал ближнему любить Бога? Вот это и есть богопочитание, это и есть истинная религия, это и есть благочестие, это и есть служение, приличествующее только Богу! Итак, если какая-нибудь бессмертная власть, какой бы силой она ни была одарена, любит нас, – она желает нам для нашего блаженства быть подчиненны-

ми Тому, Кому подчинена сама и, вследствие этого подчинения, блаженна. Следовательно, если она не почитает Бога, она злополучна, потому что не имеет Бога; а если почитает Бога, то не желает, чтобы почитали ее саму вместо Бога, а, скорее, помогает и силами любви содействует тому божественному определению, в котором написано: *Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен* (Исх. 22: 20). (3, с. 108–109.)

Я научился от Тебя, Боже мой, различать между даянием и плодом. Даяние – это то, что уделяет нам помогающий в нужде: деньги, еда, питье, одежда, кров, помощь. А плод – это добрая правильная воля дающего. Учитель благой не сказал просто: *кто примет пророка*, но добавил: *во имя пророка*; не сказал просто: *кто примет праведника*, но добавил: *во имя праведника* (Мф. 10: 41). Тогда только получит один награду от пророка, а другой от праведника. Он не только сказал: *кто даст чашу холодной воды одному из малых Моих*, но добавил *во имя ученика* и присовокупил: *Истинно говорю вам, не потеряет награды своей* (Мф. 10: 42). Принять пророка, принять праведника, протянуть чашу холодной воды ученику – это всё даяния; а плод – сделать это *во имя пророка, во имя праведника, во имя ученика*. Такими плодами питался

Илия у вдовы, знавшей, что она кормила Божиего человека и потому его кормившей; от ворона он получал даяние: этой пищей питался не Илия внутренний, а внешний, который мог погибнуть без такой пищи. (1, с. 263.)

В послании, озаглавленном к Евреям, апостол говорит: *Не забывайте также благодеяния и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу* (Евр. 13: 16). И в словах: *милости хогу, а не жертвы* (Ос. 6: 6) нужно понимать не что иное, как жертву, заранее определенную жертвой, так как то, что всеми называется жертвою, есть знак истинной жертвы. Милость же – жертва, конечно, истинная; поэтому и сказано то, что несколько выше было мною приведено: *Таковые жертвы благоугодны Богу*. Итак, все, что различным образом предписано было насчет жертв в скинии или храме, – все это служило для обозначения любви к Богу и ближнему, *ибо на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22: 40). (3, с. 112.)

Тебя одного [Бога – С. М.] надлежит почитать больше всех и славить вовеки. И жестокая власть хочет внушить страх, – но кого следует бояться,

кроме одного Бога? Что можно вырвать или спрятать от Его власти? Когда, где, каким образом, с чьей помощью? (1, с. 29.)

Бога нужно почитать верой, надеждой и любовью. (10, с. 4.)

Ты один, Создатель мой, одушевляешь души наши и ничего Тобою сотворенного не презираешь. Исповедую благодеяния Твои великие, потому что Ты избавлял меня тысячекратно от ада преисподнего; я всегда стремился в ад, но Ты меня всегда отводил. Праведно Ты сотворил бы, если бы наказал меня. Но Ты не хотел этого сделать со мною, потому что Ты любишь души наши и прикрываешь грехи человеческие покаянием. Господи Боже мой! Все пути Господни – милость и истина (Пс. 24: 10). Ты избавил душу мою от ада преисподнего. Я весь был в смерти, но Ты всего меня воскресил.

Поэтому я возлюблю Тебя, Господи, жизнь моя, возлюблю Тебя, несказанная радость моя. Господи Боже мой, Освятитель мой, Твое все – добро. Ты повелеваешь любить Тебя. Дай Сам то, что повелеваешь, и повели, что угодно Тебе. (11, с. 122–123.)

Да хвалит Тебя душа моя, чтобы возлюбить Тебя. Неумолчно хвалят Тебя все создания Твои: всякая душа, обратившаяся к Тебе, своими устами; животные и неодушевленная природа устами тех, кто их созерцает. (1, с. 62.)

Иногда... об одном Сыне говорится, что достаточно Его, и вся награда за любовь и стремление наши в том, чтобы узреть Его. Ведь Он так и говорит: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14: 21)... тому, кто Его любит, Он являет не Себя одного, но вместе с Ним приходит к тому и Отец и сотворяет у него обитель. (5, с. 37.)

О Святом Духе иногда говорится так, будто Его одного довольно для нашего блаженства. И довольно Его одного потому, что Его невозможно отделить от Отца и Сына; довольно также и одного Отца, поскольку Его невозможно отделить от Сына и Святого Духа; довольно также и одного Сына, поскольку Его невозможно отделить от Отца и Святого Духа. Ибо что же Он имел в виду, говоря: *Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди.*

И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять (Ин. 14: 15–17), т. е. любящие мир? (5, с. 35.)

Ты ведь приказал нам быть не только воздержанными, т. е. подавлять любовь к некоторым вещам, но и справедливыми, т. е. знать, на что обращать ее; Ты захотел, чтобы мы любили не только Тебя, но и ближнего. (1, с. 185–186.)

Возлюбим же Господа Бога нашего всем сердцем нашим, и всею душою нашею, и всем разумением нашим; возлюбим же ближнего нашего, как самих себя (Мф. 22: 37–39). Ради этих двух заповедей любви Моисей передумал всё передуманное им в... книгах. Если мы ему не поверим, то мы сделаем лжецом Господа, предположив у раба Его намерения иные, чем те, в которых наставил его Господь. Посмотри же, как глупо при таком обилии бесспорно истинных мыслей, которые можно извлечь из этих писаний, безрассудно утверждать, что именно было главной мыслью Моисея, и опасными спорами оскорблять самую любовь, во имя которой все сказано тем, чьи слова мы пытаемся объяснить! (1, с. 234.)

Часто предписывается прощать друг другу и заботиться о сохранении мира, без которого никто не может узреть Бога: в последнем случае существует опасность, что когда-нибудь будет приказано рабу отдать прощенный было ему долг в десять тысяч талантов, за то, что он не простил своему товарищу долга в сто динариев. Приведя такой пример, Господь Иисус прибавил: *Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его (Мф. 18: 35).* Таковы врачебные средства для граждан града Божия, странствующих на этой земле и воздыхающих о мире небесного отечества. (4, с. 75.)

Души, жаждущие Тебя и Тебе предстоящие, удалил Ты с другой целью от союза с морем; Ты орошаешь их водой из тайного сладкого источника, чтобы земля дала плод свой: и дает плод свой, и, подчиняясь велению Господа Бога своего, растит душа наша дела милосердия *по роду своему*; любит ближнего и помогает ему в его телесных нуждах, памятуя о сходстве с ним: собственная немощь заставляет нас сострадать, пособлять нуждающимся и оказывать им такую помощь, какую хотели бы мы получить сами, оказавшись в такой

же нужде. И не только помощь незначительную, похожую на траву полевую, но крепкую защиту и покровительство, напоминающие плодоносное дерево. Вырываем мы обиженного из рук могущественных, простирая над ним, как дуб, крепкую сень праведного суда. (1, с. 252.)

Наши чувства к Тебе раскрываем мы, исповедуя Тебе несчастья наши и милости Твои: доверши освобождение наше, Тобой начатое; да перестанем быть несчастными в себе, да будем в Тебе счастливы. Ты ведь призывал нас стать нищими духом, кроткими, плачущими, алчущими и жаждущими правды, милостивыми, чистыми сердцем, миротворцами. (1, с. 191.)

Любовь... есть именно любовь к Богу и ближнему; и именно *на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22: 40). (10, с. 93.)

Господи: не зря было Тобой так сказано... единая мысль о любви к Богу и ближнему. Она выражена в многообразных символах, бесчисленными языками и бесчисленными выражениями в каждом языке! (1, с. 260.)

Да полюбит во мне братская душа то, что Ты учишь любить, и поскорбит о том, о чем Ты учишь скорбеть. Пусть почувствует это душа братская, не посторонняя, не душа сынов чужих, *которых уста говорят суетное, и которых десница – десница лжи* (Пс. 153: 8), а душа брата, который, одобряя меня, за меня радуется, а, порицая, за меня огорчается, ибо одобряет ли он меня, порицает ли, – он меня любит. (1, с. 156.)

Кому другому, как не счастью, должны молиться люди о будущей жизни, если счастье – богиня? Поскольку же оно – не богиня, а дар Божий, то какому Богу, кроме Подателя счастья, должны мы молиться, благочестивой любовью любящие вечную жизнь, в которой заключается истинное и полное счастье? (2, с. 335.)

Все Божественное учение направляется к любви, о которой апостол говорит: *Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры.* (1 Тим. 1: 5). (10, с. 93.)

Боже мой, Ты, Который поднимаешь меня, смиренного, даешь отдых труждающемуся, Ты,

Который слушаешь исповедь мою и отпускаешь грехи мои, Ты велишь... мне любить ближнего, как самого себя. (1, с. 234.)

Несомненно, что мужчина и женщина с самого начала были сотворены такими, какими мы их видим и сейчас: двумя людьми различного пола. Но они называются одним или по причине брачного союза, или потому, что женщина была сотворена из ребра мужчины. И апостол на основании этого первого божественного установления увещает, чтобы мужья любили своих жен (Еф. 5: 25–33). (4, с. 51.)

Чтобы душа была очищена, дабы... проповедь понять, полюбить и обратить к своей пользе и чтобы сила мысли была крепче, дабы озариться... светом, скупым говорится: *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше* (Мф. 6: 19–21); расточительным: *Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную* (Гал. 6: 8); гордым: *Всякий*

возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится (Лк. 14: 11); гневливым: *Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* (Мф. 5: 39); сварливым: *Любите врагов ваших* (Мф. 5: 44); суеверным: *Царствие Божие внутри вас* (Лк. 17: 21); любопытным: *Смотрите не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно* (2 Кор. 4: 18) и, наконец, всем вообще: *Не любите мира, ни того, что в мире... Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего* (1 Ин. 2: 15–16). (8, с. 431–432.)

Будь наша природа от нас, мы, конечно, сами рождали бы нашу мудрость, а не старались бы приобретать ее через науку, изучая ее; имей наша любовь источник в нас самих и к нам же относись, ее было бы достаточно для блаженной жизни и не было бы нужды в ином благе для нашего наслаждения. При данных же условиях, поскольку наша природа виновником своего бытия имеет Бога, мы, несомненно, для познания истины должны своим учителем полагать Его; для того, чтобы быть блаженными, в Нем же искать подателя внутреннего удовольствия. (3, с. 215–216.)

Кто узнал истину, узнал и этот Свет, а кто узнал Его, узнал вечность. Любовь знает Его. О, Вечная Истина, Истинная Любовь, Любимая Вечность! Ты Бог мой, к Тебе воздыхаю днем и ночью. И как только я узнал Тебя, Ты взял меня к Себе: да увижу, что есть Тот, Кого я пытался увидеть, и что я еще не тот, чтобы видеть. Ты ослепил слабые глаза мои, ударяя в меня лучами Твоими, и я задрожал от любви и страха. Я увидел, что далек от Тебя в этой стране, где всё от Тебя отпало, и будто с высот услышал я голос Твой: *Я пища для взрослых: расти, и ты вкусишь Меня. И не ты изменишь Меня в себе, как телесную пищу, но ты изменишься во Мне.* (1, с. 108–109.)

Я убил и принес в жертву ветхого человека и начал размышлять, надеясь на Тебя, о своем обновлении; там начал Ты становиться мне сладостен и *дал радость в сердце моем.* Так громко восклицал я, узнавая прочитанное в сердце; я не хотел, убивая время и убиваемый временем, рассеиваться многообразием земных благ: в Твоей вечной простоте была для меня *другая пшеница, вино и елей.* (1, с. 141.)

Когда ум любит самого себя, имеются... двое – ум и любовь, постольку, когда он себя знает, имеются

также двое – ум и его знание о себе. Следовательно, сам ум, любовь и знание ума о себе суть трое, и эти трое суть одно, и когда они совершенны, они равны. Но если ум любит себя меньше, чем он есть в целом, например, если ум человека любит себя лишь настолько, насколько надлежит любить человеческое тело, он прегрешает, и любовь его несовершенна, поскольку сам ум есть большее тела. Но точно так же и тогда, когда ум любит себя больше, чем он есть как таковой. Например, если ум любит себя настолько, насколько надлежит любить только Бога, он прегрешает ничуть не меньше, и его любовь также не достигает совершенства, поскольку сам ум есть нечто несравнимо меньшее, нежели Бог. Однако с еще большим извращением и чрезмерностью прегрешает ум тогда, когда он любит тело настолько, насколько следует любить только Бога. (6, с. 7–8.)

Славословия Тебе, Господи, славословия Тебе из Писания Твоего должны были служить опорой побегам сердца моего! (1, с. 19–20.)

Говорят, что никто не может достигнуть... блаженства, если изучением настоящей жизни не уяснит для себя... кругообращений, в которых бла-

женство и несчастье попеременно следуют одно за другим. Но, в таком случае, каким образом они утверждают, что, чем больше кто-либо любит Бога, тем легче достигнет блаженства, – они, которые учат тому, что ослабляет эту самую любовь? У кого, в самом деле, не ослабеет и не охладится любовь к Богу, когда он представит себе, что по необходимости должен будет оставить Его и станет держаться образа мыслей противного Его истине и мудрости, и притом в такое время, когда, достигнув блаженства, достигнет, по мере своих способностей, полного познания Его? Никто не может искренне любить и человека-друга, если будет знать, что тот станет его врагом. Нет, неправда то, чем нам угрожают, – будто истинные несчастья будут продолжаться без конца, и только часто и также без конца прерываться промежутками мнимого блаженства. (3, с. 273.)

Потерпевшие же... из-за золота получили урок, сколько должны они претерпевать за Христа. Они научились, что следует любить Того, Кто пострадавших за Него обогатит вечным блаженством, а не золото и серебро, страдать ради которого было глупо, скрыть которое можно было только прибегнув ко лжи, но которое приходилось выдать, если говорить правду. Ибо в пытках никто не потерял Христа через исповедание Его, а золото никто не сохранил

иначе, как только через его отрицание. Поэтому пытки могли быть весьма полезны: они учили любить благо нетленное вместо тех благ, из-за любви к которым их владельцы подвергались истязаниям безо всякой для себя пользы. (2, с. 20–21.)

Как горел я, Господи, как горел я улететь к Тебе от всего земного. Я не понимал, что Ты делаешь со мною. (1, с. 36.)

Я люблю верного и мужественного человека чистой братской любовью. Но если вдруг в беседе он признается мне (или же по неосторожности [его] каким-либо образом выяснится), что или о Боге он думает нечто неподобающее и желает также чего-то плотского в Нем и что он перенес свои страдания из-за этой ошибки, или из-за желания денег, на которые он надеялся, или из-за бессмысленной страсти к человеческой славе, тогда моя любовь, которую я испытывал к нему, тотчас оскорбленная, будет как бы отброшена от недостойного человека (если бы только я не любил его за то, что он мог бы стать таковым, каковым, как я узнал, он не является), но все же останется в том образе, согласно которому я любил человека, так как считал, что он соответствует ему. (6, с. 14.)

Пусть мысленно последуют, кто может, за Твоим апостолом, сказавшим: *любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам* (Рим. 5: 5); он учил о дарах духовных, указал *превосходнейший путь любви* (1 Кор. 12: 31), преклонял за нас пред Тобою колени, да уразумеем *превосходящую разумение любовь Христову* (Еф. 3: 19). (1, с. 245.)

Ты, любовь моя, в Котором немощь моя становится силой. (1, с. 38.)

Жизнь... блаженная, она же и вечная, будет иметь и любовь, и радость не только правильные, но и непременные; страха же и скорби не будет иметь вообще. Отсюда, так или иначе, видно, каковы должны быть во время этого странствия граждане града Божия, живущие по духу, а не по плоти, т. е. по Богу, а не по человеку, и какими они будут в том бессмертии, к которому стремятся. (4, с. 26.)

Все мы вместе и каждый из нас в отдельности составляем Его храм, так как Он удостоил нас чести обитать и в согласии всех, и в каждом в отдельности, не расширяясь в массе и не уменьшаясь в едини-

цах. Сердце наше – Его алтарь, когда оно возвышается до Него. Его умиловываем мы единокровным Его Священником; Ему приносим кровавые жертвы, когда боремся за Его истину до смерти; Ему мы возжигаем приятнейший фимиам, когда пред очами Его пламенеем благочестивой и святой любовью; Ему посвящаем и возвращаем Его дары в нас – наши воспоминания; Его благодеяния освящаем празднествами и установленными днями, чтобы в свиток времен не проникало неблагодарное забвение; Ему приносим жертву смирения и хвалы на алтарь сердца огнем пламенной любви. Очищаемся от всякой скверны грехов и злых вожеланий и освящаемся Его именем, чтобы видеть Его, как может быть Он видим, и соединиться с Ним. Ибо Он – источник нашего блаженства; Он – предел всех желаний. Избирая..., а точнее (так как мы теряли Его по небрежению) – вторично избирая... Его (откуда, говорят, и происходит слово религия), мы стремимся к Нему любовью, чтобы, достигнув, успокоиться; потому и становимся блаженными, что делаемся с достижением этой цели совершенными. Ибо наше благо, относительно конечной цели, которого между философами существует великое разногласие, состоит не в чем ином, как в том, чтобы быть соединенными с Ним; в Его бестелесных объятиях, если так можно выразиться, умная душа исполняется и оплодотворяется истинными добродетелями. Это

благо нам заповедуется любить всем сердцем, всей душой и всеми силами. К этому благу мы должны приводиться теми, которые нас любят, и в то же время вести тех, кого любим сами. (3, с. 107–108.)

Любящему ничего нет трудного, ничего невозможного. Любящая душа восходит и летит по селениям Небесного Иерусалима, посещая патриархов и пророков, приветствуя апостолов, удивляясь воинству мучеников и исповедников и хоры дев созерцаая. Небо и земля и все, что на них ни находится, не перестают мне говорить, чтобы я любил Господа Бога моего. (11, с. 172.)

Если Ангелы требуют жертв себе, то выше их должны быть поставлены те Ангелы, которые этих жертв требуют не себе, а Богу, Творцу всего, Которому сами служат. Этим они показывают, насколько искренне любят нас, когда желают, чтобы мы были покорны Тому, от лицемерия Которого они блаженны сами, и чтобы достигли Того, от Кого сами они не отступили. (3, с. 134.)

Три... товарища... были однажды в Тревирах, и, когда император после полудня глядел на цирко-

вые зрелища, они вышли погулять в парк, начинавшийся за городскими стенами. Прохаживались они парами; он и еще кто-то с ним вместе отделились, а двое других тоже отделились и пошли в другую сторону. Бродя туда-сюда, они набрали на хижину, где жили некие рабы Твои, *нищие духом, каковых есть Царство Небесное*, и нашли там книгу, в которой описана была жизнь Антония. Один из них стал ее читать: дивится, загорается, читает и замышляет кинуться в такую жизнь: оставить мирскую службу и служить Тебе. Оба они были агентами тайной полиции. И вот внезапно, полный святой любви и чистого стыда, гневаясь на себя, обратил он глаза на друга и говорит ему: *Скажи, пожалуйста, зего домогаемся мы всем трудом своим? зего ищем? ради зего служим? можем ли мы на службе при дворе надеяться на что-либо большее, чем на звание «друзей императора»? а тогда всё прогно и безопасно? через сколько опасностей приходишь к еще большей опасности? и когда это будет? а другом Божиим, если захожу, я стану вот сейчас.*

Он сказал это, мучаясь рождением новой жизни, и вновь погрузился в книгу: и читал, и менялся в сердце своем, которое Ты видел, и отрекался от мира, как вскоре и обнаружилось. Читая, обураваемый волнением, среди громких стенаний он отделил и определил, что лучше; уже стал Твоим и сказал другу: *Я отбрасываю наши прежние на-*

дежды, я решил служить Богу вот с этого часа, вот на этом месте. Не хочешь, не подражай, но не возражай! Тот ответил, что за такую плату и на такой службе он ему верный товарищ. И оба, уже Твои, строили они себе башню за подходящую им цену. (1, с. 127–128.)

Люблю Тебя, Боже мой, и всегда сильнее любить Тебя хочу, потому что Ты слаще всякого меда, питательнее всякой пищи и дороже всякого золота и драгоценных камней. О, огонь, всегда горящий и никогда не погасающий! О, любовь, всегда пламенеющая и никогда не умаляющаяся! Воспламени меня, да возгорюсь я весь Тобой, да весь возлюблю Тебя, потому что тот не любит Тебя, кто, нечто другое любя, любит то не для Тебя. (11, с. 123.)

Любовь... возносит нас, и благой Дух Твой поднимает нас, низких, прочь от дверей смерти. Покой Твой для нас в доброй воле... Моя тяжесть – это любовь моя: она движет мною, куда бы я ни устремился. Даровано Тобой воспламеняться и стремиться вверх: пылаем, идем. Поднимаемся, поднимаясь сердцем, и поем песнь восхождения. Огнем Твоим, благим огнем Твоим пылаем, идем; поднимаемся к миру Иерусалима.

Возрадовался я, когда сказали мне: пойдём в дом Господень (Пс. 121: 1). Там поместит нас добрая воля, и ничего мы больше не пожелаем, как пребывать там вовеки. (1, с. 246–247.)

Все... проявления любящих и любимых сердец, в лице, в словах, в глазах и тысяче милых выражений, как на огне, сплавляют между собою души, образуя из многих одну. (1, с. 53.)

Первый случай: кто-то считает плохим то, что хорошо...; второй: человек видит, что хорошее хорошо: многим нравятся создания Твои, потому что они хороши, но в них любят они не Тебя; они предпочитают наслаждаться ими, а не радоваться о Тебе. И третий: человек видит что-то хорошее; что это хорошо, видит в нем Бог, и в творении Его любим мы Бога. Любовь эта могла возникнуть только по внушению Духа, Которого Он даст, *потому что любовь Божия изливается в сердца наши Духом Святым, данным нам* (Рим. 5: 5); Он позволяет нам увидеть, что хорошо все существующее, каков бы ни был образ его существования: все от Того, Который существует не каким бы то ни было образом, но существует абсолютно. (1, с. 266.)

Я хочу быть в Тебе, Господи, вместе с теми, кто питается истиной Твоей в полноте любви, и вместе с ними радоваться в Тебе. Да приступим вместе к словам книги Твоей и будем искать в них намерение Твое через намерение слуги Твоего [Моисея – С. М.], перу которого поручил Ты сообщить эти слова. (1, с. 231.)

Нет сомнения в том, что... страсти к славе лучше противиться, чем уступать. Ибо всякий тем более уподобляется Богу, чем более чист от этой грязи. Хотя в этой жизни она, как правило, не искореняется совсем из сердца, потому что не перестает искушать и достаточно утвердившиеся в добре души, однако страсть к славе должна быть, по крайней мере, побеждена любовью к правде, так что если бы оказалось что-либо пренебрегаемым вследствие неодобрения некоторыми, а было бы между тем добрым и справедливым, то и само человеческое честолюбие устыдилось бы и уступило бы любви к истине. Этот порок делается врагом Божиим, когда страсть к славе бывает в сердце сильнее страха или любви Божией, как говорил Господь: *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищете?* (Ин. 5: 44). Так же точно о некоторых, уверовавших в Него, но опасавшихся

открыто исповедать свою веру, евангелист говорит: *Возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию* (Ин. 12: 43). (2, с. 269–270.)

Мне ненавистны... испорченные и развращенные люди, но я и люблю их, надеясь исправить: пусть предпочтут деньгам науку, которой их учат, а ей Тебя, Господи, Истину, преизбыток надежного блага и чистого мира. (1, с. 75.)

Когда... радостно со многими вместе, то и радость каждого полнее: один от другого накаляются и пламенеют. (1, с. 122.)

Просвещенный... Духом Святым апостол говорит: *Знание надмевает, а любовь назидает* (1 Кор. 8: 1). Слова эти нужно понимать в том смысле, что знание полезно лишь тогда, когда есть любовь; без любви же оно надмевает, т. е. приводит к безмерно напыщенной гордости. (3, с. 94.)

Если тела угодны тебе, хвали за них Бога и обрати любовь свою к их мастеру, чтобы в угодном тебе не стал ты сам неугоден. Если угодны души, да будут

они любимы в Боге, потому что и они подвержены перемене, и утверждаются в Нем, а иначе проходят и преходят. Да будут же любимы в Нем: увлеку к Нему с собой те, какие сможешь. (1, с. 55.)

Дай мне Тебя, Боже мой, верни мне Тебя: я люблю Тебя. Если мало, дай полюбить сильнее. Я не могу измерить и узнать, сколько не хватает мне до любви совершенной, когда я кинулся бы в объятия Твои, и не оторвался бы от Тебя, пока не скрылся бы *под покровом лица Твоего* (Пс. 30: 21). Знаю только, что плохо мне без Тебя – не только вовне, но и внутри себя, и нищета для меня всякое богатство, которое не есть Бог мой. (1, с. 246.)

Если они [святые – С. М.] не питали ненависти к плоти своей (Еф. 5: 29) тогда, когда по требованию духа обуздывали ее, не покорившуюся по своей немощи разуму, то насколько больше любят ее теперь, когда она духовна? (3, с. 319.)

В ком любовь Божия, тот всегда мыслит о том, когда к Богу придет, когда оставит мир, когда избегнет телесного тления, чтобы найти истинный покой; всегда имеет сердце свое и желание устрем-

ленным в превыспреннее. Когда сидит, когда ходит, когда покоится или когда что делает, сердце его от Бога не отступает. Всех к любви Божией увещевает, всем любовь Божию восхваляет; и сколь сладка любовь Божия и сколь зла и горька любовь века сего, сердцем, устами и делами всем доказывает. Смеется над славой века сего, обличает заботы и показывает, как безумно полагать надежду на преходящие вещи. Дивится человеческой слепоте, которая это любит; удивляется тому, как все не оставляет этих скоропреходящих, разрушающихся вещей. Часто Бога своего созерцает и наслаждается Его созерцанием. (11, с. 175–176.)

Не тот человек по справедливости называется добрым, который знает, что такое добро, а тот, который любит. Да почему мы в себе самих чувствуем, что любим и саму любовь, которой любим то, что доброго мы любим. Есть и любовь, которой мы любим то, чего не следует любить; и эту любовь ненавидит в себе тот, кто ту любит, которая любит, что должно любить. Обе эти любви могут быть в одном человеке, и благо для человека заключается в том, чтобы он развивал в себе то, чем мы хорошо живем, и уничтожал то, чем живем худо, пока не излечится совершенно и не изменится в доброе все, чем мы живем. Если бы мы были животными, то

мы любили бы плотскую жизнь и все, что отвечает чувству плоти; это было бы для нас достаточным благом и мы, довольствуясь этим благом, не искали бы ничего другого. Так же точно, если бы мы были деревьями, мы, конечно, ничего не любили бы движением чувства, хотя казались бы стремящимися к тому, если бы были более плодовиты. А будь мы камнями, или волной, или ветром, или пламенем, или чем-либо другим в том же роде без всякого чувства и жизни, – и в таком случае у нас не было бы недостатка в некотором стремлении к своему месту и порядку. Ибо нечто подобное любви представляет собой удельный вес тел, по которому они или опускаются от тяжести вниз, или по легкости стремятся вверх. Удельный вес так же уносит тело, как любовь уносит душу, куда бы она ни уносилась. (3, с. 220–221.)

Душа... служа Богу мыслью и доброй волей... несомненно, будет восстановлена и обратится от многих изменчивых благ к единому неизменному, будучи преобразована Мудростью не сотворенной, а сотворившей все, и будет наслаждаться Богом через Духа Святого, Который есть дар Божий. Таким образом, человек становится духовным, который все судит и сам никем не судится (1 Кор. 2: 15), который любит Господа Бога своего всем серд-

цем своим, всей душой своей, всей мыслью своей и ближнего своего любит не плотски, а как самого себя. Самого же себя тот, кто всем существом своим любит Бога, любит духовно. В этих двух заповедях – весь закон. (8, с. 443–444.)

Не суетись, душа моя: не дай оглохнуть уху сердца от грохота суеты твоей. Слушай, Само Слово зовет тебя вернуться: безмятежный покой там, где Любовь не покинет тебя, если сам ты Ее не покинешь. (1, с. 55.)

Я удивлялся, что я уже люблю Тебя, а не призрак вместо Тебя, но не мог устоять в Боге моем и радоваться: меня влекла к Тебе красота Твоя, и увлекал прочь груз мой, и со стоном скатывался я вниз; груз этот – привычки плоти. Но со мной была память о Тебе, и я уже несколько не сомневался, что есть Тот, к Кому мне надо прильнуть, только я еще не в силах к Нему прильнуть. (1, с. 112.)

Господи! Пробуди же нас и призови к Себе, обожги и восхити, воспламени и облей своим сладостным благоуханием: да полюбим Тебя, да бросимся к Тебе. (1, с. 122.)

Я хочу вспомнить прошлые мерзости свои и плотскую испорченность души моей не потому, что я люблю их, но чтобы возлюбить Тебя, Боже мой. Из любви к любви Твоей делаю я это, в горькой печали воспоминания перебираю преступные пути свои. (1, с. 23.)

Обладание добротой нисколько не уменьшает от того, что в этой доброте становится больше соучастников; напротив того, доброта – такое достояние, которым нераздельная любовь союзников обладает тем больше, чем они согласнее друг с другом. Тот и не будет обладать этим достоянием, кто не захочет, чтобы оно было общим; и настолько более будет обладать им, насколько сильнее будет в состоянии любить тех, кто в этом с ним соучаствует. (4, с. 73.)

Мне кажется... Господи, Боже мой, – и сердце мое в этом открыто перед Тобой – мать моя, может быть, не так легко согласилась бы отвергнуть... привычку, если бы запрет наложил другой человек, которого она любила бы не так, как Амвросия, которого любила чрезвычайно за мое спасение. Он же любил ее за благочестивый образ жизни, за

усердие, с которым она неизменно посещала церковь, *пламенея духом* к добрым делам. (1, с. 80.)

Да установит согласие сама Истина, и да сжадется над нами Господь наш: будем законно пользоваться законом, имея в виду его цель: чистую любовь. (1, с. 239–240.)

О, Господи, доведи меня до разума и открой мне эти страницы. Голос Твой – радость моя; голос Твой дороже всех наслаждений. Дай, что я люблю: ведь я люблю, и любить Ты дал мне. Не оставляй даров Твоих, не презри жаждущую былинку Твою. (1, с. 192.)

Через запрещение усиливается стремление к недозволенному действию, когда не настолько любят правду, чтобы любовью к ней побеждалось желание грешить. А чтобы истинная правда была любима и чтобы привлекала к себе, для этого нужно содействие божественной благодати. (3, с. 293.)

Лучше... обладать деревом и благодарить Тебя за пользу от него, не зная, сколько в нем локтей высо-

ты и на какую ширину оно раскинулось, чем знать, как его вымерить, как сосчитать все его ветви, но не обладать им, не знать и не любить его Создателя. (1, с. 65.)

Люби одно Благо, в Котором содержится все благое, и этого будет достаточно; желай простого добра, которое есть всякое добро и довольно с тебя. Ибо что любишь ты, плоть моя? Чего желаешь, душа моя? Там все то, что ты любишь; там все то, чего ты желаешь. Если тебя прельщает красота – воссияют праведные, как солнце; если быстрота, крепость или свобода тела, которой ничто противиться не может, – то праведные будут как Ангелы Божии; так как сеется тело душевное, восстает тело духовное (1 Кор. 15: 44), и сие силою, а не естеством. Если продолжение здоровой жизни – там будет благоденственная вечность и вечное здравие; так как праведники будут жить вовеки и спасение праведных от Господа. Если насыщение – насытятся, когда явится слава Господня; если упоение – упиются от тука дома Твоего (Пс. 35: 9); если приятное пение – там Ангелы воспевают будут без конца. Если всякая чистейшая утеха – Господь потоком сладости Своей напоит. Если премудрость – сама Божия премудрость явит нам себя. Если дружба – возлюбим Бога более себя самих и Бог нас возлюбит более нас

самих. Если согласие – то у всех нас будет одна воля; так как у нас никакой не будет воли, кроме Божией. Если сила – то мы всемогущи будем в своей воле, как Бог в Своей; ибо как Бог может все, что ни захочет, чрез Себя, так праведные возмогут, что ни захотят, чрез Него; так как они ни иное что пожелают, как только то, что Бог захочет и Он всего того захочет, чего они ни пожелают; и чего они ни захотят, тому невозможно не быть. Если честь и богатство – Бог добрых и верных Своих рабов над многим имением поставит, и еще сынами Божиими названы будут и наследниками Божиими, а сонаследниками будут Христовыми. А если безопасность – то они уверены будут, что никогда и ни под каким видом то благо от них не будет отнято и любящий их Бог его от Своих любителей не возьмет, и ничего сильнее Бога нет, что могло бы их разлучить с Ним. (11, с. 181–183.)

Да полюбим же друг друга все, кто в этих словах видит истину и признает это, и да полюбим также и Тебя, Бога нашего, Источник Истины, если жаждем именно ее, а не суетного и пустого. Слугу же Твоего [Моисея – С. М.], написавшего... книги, исполненного Духом Твоим, почтим и поверим, что когда он писал, то обратил особенное внимание, по откровению Твоему, на то, что вполне истинно и особенно полезно. (1, с. 240.)

Если у них [мудрецов – С. М.] [еще] есть любовь к Богу и страх Божий, то пускай они возвратятся к началу и порядку веры, постигая, что врачевание, оказываемое святой Церковью, спасительно для правоверных настолько, что сохраненное благочестие исцеляет немощный ум, [направляя его] к восприятию неизменной истины так, чтобы случайное безрассудство не низвергло его в рассудительство вредоносной лжи. (5, с. 18–19.)

Утешение мое Ты, Господи; Ты мой извечный Отец, я же низвергся во время, строй которого мне неведом; мысли мои, самая сердцевина души моей, раздираются в клочья шумной его пестротой, доколе не сольюсь я с Тобой, очищенный и расплавленный в огне любви Твоей. (1, с. 212.)

Поскольку мы люди, созданные по образу Творца своего, у Которого и вечность истинна, и истина вечна, и любовь вечна и истинна, и Который Сам есть вечная, истинная и достохвальная Троица, неслиянная и нераздельная, то в тех вещах, которые ниже нас, но которые сами не могли бы ни существовать каким бы то ни было образом, ни удерживать какой-либо вид, ни стремиться

к какому-нибудь порядку, ни удерживать его, если бы не были сотворены Тем, Кому свойственно высочайшее бытие, Который высочайше премудр, высочайше благ, – в этих вещах, неустанно пробегая все сотворенное Им, мы должны разыскивать как бы некоторые следы Его, отпечатленные Им в одном месте более, в другом – менее; созерцая же в самих себе образ Его, возвратимся в самих себя, как известный евангельский младший сын (Лк. 15: 18), и воспрянем, чтобы вернуться к Тому, от Которого удалились вследствие греха. Там бытие наше не будет иметь смерти; там знание наше не будет заблуждаться; там любовь наша не будет иметь преткновения. (3, с. 221–222.)

Как взывал я к Тебе, Боже мой, читая псалмы Давида, эти христианские песнопения, звучавшие благочестием, изгонявшие дух гордыни. Новичок в истинной любви Твоей... Как взывал я к Тебе в этих псалмах, какая любовь к Тебе вспыхивала от них, каким желанием горел я прочесть их, если бы мог, всему миру, сокрушая ими человеческую гордость! (1, с. 139–140.)

Истинной жертвой бывает всякое дело, которое совершается нами из желания быть в святом

общении с Богом, т. е. дело, имеющее отношение к тому конечному благу, которым мы могли бы быть истинно блаженными. Отсюда и само милосердие, которое оказывается человеку, не составляет жертвы, если оно совершается не ради Бога. Ибо хотя жертва приносится человеком, она, тем не менее, – дело божественное..., так что древние называли ее и этим именем. Поэтому и сам человек, посвященный и обещанный Богу, есть жертва, насколько он умирает для мира, чтобы жить для Бога. К милосердию же относится и то, что каждый совершает над самим собою. Поэтому написано: *благоугождая Богу, милосердствуй о душе своей* (Сир. 30: 24). Даже тело наше становится жертвой, когда мы очищаем его умеренностью, если делаем это так, как должны делать ради Бога, т. е. предавая свои члены не греху в орудие неправды, а Богу в орудия праведности (Рим. 6: 13). Убеждая поступать так, апостол говорит: *Умоляю вас, братья, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего* (Рим. 12: 1). Если же тело, которым душа пользуется как последним слугой или инструментом, становится жертвой, когда правильное и доброе пользование им имеет отношение к Богу, то во сколько же раз более становится жертвой сама душа, когда она возносится к Богу так, что, воспламенившись любовью

к Нему, снимает с себя образ мирской похоти, и, подчинившись Ему, как бы преобразуется по Его непреложному образу, угождая Ему тем, что получила от красоты Его? (3, с. 112–113.)

Блажен, кто любит Тебя, в Тебе друга и ради Тебя врага. Только тот не теряет ничего дорогого, кому все дороги в Том, Кого нельзя потерять. А кто это, как не Бог наш? (1, с. 53.)

Страх, о котором говорит апостол Иоанн: *В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся несовершенен в любви* (1 Ин. 4: 18), не есть страх, однородный с тем, которым боялся апостол Павел, чтобы коринфяне не обольстились змеиной хитростью (2 Кор. 11: 3). Последний страх имеет и любовь, даже одна только любовь и имеет его; первый же страх такого рода, что его нет в любви. О нем и апостол Павел говорит: *Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе* (Рим. 8: 15). А тот страх, чистый и *пребывающий вовек* (Пс. 18: 10), если будет он и в будущем веке (ибо как иначе разуметь пребывание его вовек?), то он не есть страх, пугающий злом, которое может случиться, а страх, удерживающий в добре, которое не может

быть оставлено. Там, где есть неизменная любовь к благу достигнутому, там существует страх, если можно так выразиться, свободный от опасения зла. Именем чистого страха названа, несомненно, та воля, по которой мы, узнав грех, будем, естественно, остерегаться греха, не вследствие опасения за свою слабость, которая могла бы расположить к греху, а по чистоте любви. Или, если в том вполне безмятежном наслаждении непрерывным счастьем и радостями не будет иметь места решительно никакого рода страх, то сказанное: *Страх Господень гист, пребывает вовек*, сказано в том же смысле, что и слова: *Терпение убогих не погибнет до конца* (Ис. 9: 19). Само терпение, конечно, не будет вечным, потому что оно необходимо лишь там, где существует зло, которое нужно переносить; но вечно будет то, что терпением достигается. Возможно, что и чистый страх назван пребывающим вовек потому, что пребудет вовек то, к чему этот страх приводит. (4, с. 25–26.)

Блаженна та душа, которая, освободившись от земной темницы, восходит на небо и лицом к лицу видит Тебя, сладчайшего Господа. Она не порожается страхом, но радуется нетлению вечной славы; она спокойна и безопасна и не боится ни врага, ни смерти. Она получила Тебя, благого Господа,

Которого долго искала и всегда любила. Она, соединившись с хором певцов, всю вечность воспевает сладостные песни вечного торжества в похвалу славы Твоей. Царь благой, Иисусе Христе, ибо она упоена потоком сладости от обилия дома Твоего. (11, с. 152.)

Я так и плакал за пением Твоих гимнов; давно вздыхал я о Тебе и, наконец, вдохнул веяние ветра, насколько проникал он в дом из травы. (1, с. 144.)

Любовь... к Создателю, если она истинная, т. е. если любят Его Самого, а не что-либо другое вместо Него, не может быть любовью злою. Ибо и саму любовь должно любить, соблюдая известный порядок, чтобы хорошо любить то, что следует любить; чтобы она была в нас добродетелью, делающею жизнь доброй. Поэтому мне представляется кратким и верным такое определение добродетели: она есть порядок в любви. Почему в святой Песне Песней невеста Христа, град Божий, поет: *Знамя его надо мною – любовь* (Песн. 2: 4). Итак, когда сыны Божии нарушили порядок этой соединенной с уважением любви, они пренебрегли Богом и предпочли дочерей человеческих. (4, с. 121.)

Тот... кто верует и возлагает надежду на Бога, Которого любит в силу истинного благочестия, большее внимание обращает на то, чем он не нравится себе, чем на то, что в нем есть такое, что приятно не столько для него самого, сколько для истины; да и то самое, чем он и может быть приятен, приписывает исключительно милосердию Божию, которому боится не угодить; за одно, что он исправил в себе, он приносит благодарения; о другом, что ему предстоит исправить, молится. (2, с. 286.)

Человека хвалят, и вот его заглазно начинают любить. Разве эта любовь входит в сердце слушающего от слов хвалящего? Нет! любящий зажигает любовью и другого. Поэтому и любят того, кого хвалят другие, веря, что хвала ему возглашается нелживым сердцем, а это значит, что хвалят, любя. (1, с. 57.)

Относительно... тех чудес, которые совершаются или через Ангелов, или каким-либо иным сверхъестественным образом, но так, что обращают умы к почитанию и к религии единого Бога, в Котором одном заключается блаженная жизнь, – относительно этих чудес надлежит веровать, что они совершают-

ся действием Божиим теми и через тех, которые нас любят истинно и благочестиво. (3, с. 127.)

Мать моя... была... слугой служителей Твоих. Кто из них знал ее, те восхваляли, чтили и любили в ней Тебя, ибо чувствовали присутствие Твое в сердце ее: о нем свидетельствовала ее святая жизнь... о всех нас, живших до успения ее в дружеском союзе и получивших благодать Твоего Крещения, она заботилась так, словно все мы были ее детьми, и служила нам так, словно были мы ее родителями. (1, с. 147.)

Что такое милосердие, как не своего рода сострадание нашего сердца к чужому несчастью, – сострадание, вынуждающее нас оказывать посильную помощь? Подобное (сердечное) движение подчиняется разуму, когда милосердие проявляется с сохранением справедливости: когда или подается помощь нуждающемуся, или оказывается прощение раскаивающемуся. (3, с. 70.)

Знание твари по сравнению со знанием Творца представляет собой некоторого рода сумерки, которые потом просветляются и обращаются в утро,

когда знание это обращается к прославлению и любви Творца; и ночи не бывает там, где Творец не оставляется любовью твари. (3, с. 184.)

Ясно сознаю я, Господи, что люблю Тебя: тут сомнений нет. Ты поразил сердце мое словом Твоим, и я полюбил Тебя; и небо и земля и всё, что на них – вот они со всех сторон твердят мне, чтобы я любил Тебя, и не перестают твердить об этом всем людям. (1, с. 158.)

Хотя... не всегда бывает блаженным тот, кто наслаждается тем, что любит, ибо многие, любя то, чего не следует любить, бывают несчастны; и тем более они несчастны, если в этом находят наслаждение; однако никто не бывает счастливым, если не наслаждается тем, что любит. Ибо и сами те, которые любят вещи, не заслуживающие любви, считают себя счастливыми не любовью, но наслаждением. Итак, когда кто-либо находит наслаждение в том, что любит, а любит истинное и высшее Благо, то кто, кроме несчастнейшего, станет отрицать, что такой блажен? (3, с. 17–18.)

Душа любящая отрекается от житейских прирастий и вся отдается одной любви, чтобы могла

взаимно соответствовать любви. И хотя вся она в любовь превратится, но что она в сравнении с вечным источником любви? Далеко разнятся любовь и любящий, душа и Бог, Творец и тварь. Да не боится душа, которая любит, да страшится, которая не любит. (11, с. 167.)

Душа любящая стремится усердием, возносит-ся желаниями, скрывает заслуги, не смотрит на свое достоинство, взирает на увеселение небесное, уповая на спасение. Любвию душа отвлекается от себя самой и разлучается с телесными чувствами, чтобы ей, ощущая Бога, себя не чувствовать. Это бывает тогда, когда мысль, упоенная неизреченною божественною сладостию, некоторым образом себя у самой себя похищает и из себя самой выходит, чтоб наслаждаться Богом. Любовь приобретает у Бога дружбу, дружба – дерзновение. Душа, которую трогает любовь Божия, ни о чем ином не может мыслить, ничего иного желать и часто воздыхает, говоря: как олень стремится на источники водные, так я стремлюсь к Тебе, Боже мой! (11, с. 167.)

Люди они, и люблю я их, – люблю не за то, что они животные одушевленные, а за то, что они име-

ют разумные души, которые я люблю даже в разбойниках. Ибо мне дозволительно любить разум во всяком, хотя и справедливо ненавижу того, кто дурно пользуется тем, что я люблю. Поэтому я тем более люблю своих друзей, чем лучше они пользуются разумной душою. (9, с. 204.)

Ты, свет и улада моя, Ты позволяешь любить Тебя и тосковать о Тебе: да покраснею от стыда и отброшу себя, да изберу Тебя и только по Твоей благодати стану угоден Тебе и себе. Каков бы я ни был, я весь перед Тобою, Господи. (1, с. 154.)

Слуги Его [Бога – С.М.] должны пылать любовью, как бы духовным огнем. (4, с. 122.)

Удивительна глубина слов Твоих! Вот перед нами их поверхность, – она улыбается детям, но удивительна их глубина. Боже мой, удивительна глубина! С трепетом вглядываешься в нее, с трепетом почтения и дрожью любви. Ненавижу неистово врагов Писания. О, если бы погубил Ты их мечом обоюдоострым – да не будут они врагами его. Так хочу я, чтобы они погибли для себя, чтобы жить Тобой! (1, с. 222.)

Если любовь, которой ум себя любит, прекратится, то тогда одновременно и сам ум перестанет быть любящим. (6, с. 9.)

Что же, любя Тебя, люблю я? Не телесную красоту, не временную прелесть, не сияние вот этого света, столь милого для глаз, не сладкие мелодии всяких песен, не благоухание цветов, мазей и курений, не манну и мед, не члены, приятные земным объятиям, – не это люблю я, любя Бога моего. И, однако, я люблю некий свет и некий голос, некий аромат и некую пищу, и некие объятия – когда люблю Бога моего; это свет, голос, аромат, пища, объятия внутреннего моего человека – там, где душе моей сияет свет, который не ограничен пространством, где звучит голос, который время не заставит умолкнуть, где разлит аромат, который не развеет ветром, где пища не теряет вкуса при сытости, где объятия не размыкаются от пресыщения. Вот что люблю я, любя Бога моего. (1, с. 158.)

Пойдемте же вместе, держась дороги любви, к Тому, о Ком сказано: *Ищите лица Его всегда* (Пс. 104: 4). И пред Господом Богом нашим я бы при-

нял это благочестивое и благоразумное предписание со всеми. (5, с. 19.)

Устами сердца жаждали мы приникнуть к струям Твоего Небесного источника, *ибо у Тебя источник жизни* (Пс. 35: 10), чтобы, обрызганные его водой, в меру нашего постижения, могли бы как-нибудь обнять мыслью ее величие. (1, с. 148.)

Распространение Римского государства, сделавшее его славным в среде человеческой, совершилось не для того только, чтобы подобная награда была воздана подобным людям, но и для того, чтобы граждане вечного града, пока странствуют на земле, не оставляли без внимания и обсуждения подобных примеров и видели, как велика должна быть любовь их к небесной отчизне ради жизни вечной, если так любима была отчизна земная ее гражданами ради славы человеческой. (2, с. 273.)

Трепещу и пламенею, трепещу в страхе: я так непохож на Тебя; горю, пламенею любовью: я так подобен Тебе. Мудрость, сама мудрость забрезжила мне, разорвав туман, который вновь

окутывает меня, бессильного от этого мрака под грудой мучений моих. (1, с. 197.)

Господь мой... Тебя одного я люблю, Тебе одному я следую, Тебя одного я ищу, одному Тебе готов служить, потому что один Ты праведно господствуешь... Прими меня, молю, обратно, беглеца Твоего, Господи, Отец всемилостивый. (9, с. 202.)

Да будет далека, Господи, да будет далека от сердца раба Твоего, который Тебе исповедуется, да будет далека мысль считать себя счастливым, какой бы радостью я ни радовался. Есть радость, которой не дано нечестивцам, но только тем, кто чтит Тебя бескорыстно: их радость – Ты Сам. И настоящая счастливая жизнь в том, чтобы радоваться Тобой, от Тебя, ради Тебя: это настоящая счастливая жизнь, и другой нет. Те, кто полагает ее в другом, гонятся за другой радостью – ненастоящей. И у них, однако, есть какое-то представление о радости, от которого они не отворачиваются в своем желании счастья. (1, с. 171.)

Разве блаженна та жизнь, которую не любят? А если она блаженна и ее любят, то не любят ли ее

ради ее самой, а все прочее – также любят ради нее. Если же ее любят настолько, насколько она достойна любви, то невозможно, чтобы любящий ее так не желал, чтобы она была вечной. Итак, она будет блаженной тогда, когда будет вечной. (4, с. 58.)

Ум, который любит, пребывает в любви, и любовь есть в знании ума, который любит, и знание в уме, который познает. И каждый из них есть в других так, как пребывает ум, который знает и любит себя в своих знании и любви; и как любовь ума, который знает и любит себя, есть в уме и в его знании; и как знание ума, который знает и любит себя, есть в уме и в его любви, ибо он любит себя знающим, и знает себя любящим. А поэтому двое из этих определений есть в каждом из них, так как ум, который знает и любит себя, есть со своим знанием в любви и вместе со своей любовью в знании; и также любовь сама и знание вместе суть в уме, который себя любит и знает. (6, с. 12.)

Поздно полюбил я Тебя, Красота, такая древняя и такая юная, поздно полюбил я Тебя! Вот Ты был во мне, а я – был во внешнем и там искал Тебя, в этот благообразный мир, Тобой созданный, вламывался я, безобразный! Со мной был Ты, с Тобой

я не был. Вдали от Тебя держал меня мир, которого бы не было, не будь он в Тебе. Ты позвал, крикнул и прорвал глухоту мою; Ты сверкнул, засиял и прогнал слепоту мою; Ты разлил благоухание свое, я вдохнул и задыхаюсь без Тебя. Я отведал Тебя и Тебя алчу и жажду; Ты коснулся меня, и я загорелся о мире Твоем. (1, с. 173–174.)

Я знаю о том, что существую, так равно знаю и то, что я знаю. Поскольку же эти две вещи я люблю, то к этим двум вещам, которые я знаю, присоединяю и эту самую любовь как третью, равную с ними по достоинству, ибо я не обманываюсь, что я люблю, если я не обманываюсь и в том, что люблю; хотя если бы даже последнее и было ложно, во всяком случае, было бы истинно то, что я люблю ложное. На каком основании стали бы упрекать меня в любви к ложному или удерживать от этой любви, если бы было ложно то, что я его люблю? Если же упомянутое истинно и достоверно, то кто может сомневаться, что, когда его любят, истинна и достоверна и сама к нему любовь? (3, с. 217.)

Ужели, Господи, Ты, чей удел вечность, не знаешь того, о чем я Тебе говорю? Или то, что совер-

шается во времени, Ты видишь в то же самое время? Зачем же я Тебе столько рассказываю, и так подробно? Не затем, разумеется, чтобы Ты от меня об этом узнал, но чтобы возбудить и в себе, и в тех, кто это читает, любовь к Тебе, да скажем все: *велик Господь и достохвален* (Пс. 144: 3). Я уже сказал и еще скажу: «Я делаю это из любви к любви Твоей». (1, с. 191.)

Я, Господи, исповедуюсь Тебе так, чтобы слышали люди, которым я не могу доказать, правдива ли исповедь моя; мне, однако, верят те, чьи уши открыла для меня любовь. (1, с. 155.)

Все бессмертно-блаженные существа, которые не завидуют нам (ибо если бы завидовали, то не были бы и блаженными), а напротив – любят нас, чтобы сделать и нас блаженными, гораздо более покровительствуют и помогают нам, когда мы вместе с ними чтим единого Бога Отца, и Сына, и Святого Духа, чем если бы чтили жертвами их самих. (3, с. 150.)

Мало любит Тебя тот, кто любит еще что-то и любит не ради Тебя. О Любовь, которая все-

гда горишь и никогда не гаснешь, Боже мой. Боже милосердия, зажги меня! Ты велишь воздержанность: дай, что повелишь, и повели, что хочешь! (1, с. 174–175.)

Люблю Тебя, Боже мой, люблю Тебя и желаю безмерно любить. Господи, Ты прекраснее сынов человеческих (Пс. 44: 3). Дай мне, чтобы я желал и любил Тебя, сколько желаю и сколько должен. Ты – неизмерим, и Тебя должно безмерно любить, особенно нам, которых Ты столько возлюбил, спас и для которых столько сделал. (11, с. 156.)

О, любовь, постоянно горящая и никогда не гаснущая! Сладчайший Иисусе, благий Христе, Боже мой! Воспламени всего меня огнем Твоим. Любовию Твоею, желанием Твоим, благостью Твоею, утешением и вождением Твоим святым, непорочным, чистым и благим, – чтобы я, весь исполнившись сладости любви Твоей, пылая пламенем любви к Тебе, возлюбил Тебя, Господи, всем сердцем моим, всею душою моею, всеми силами моими, всем стремлением моим, с сердечным сокрушением и слезами, со страхом и трепетом, имея Тебя в сердце. И на устах, и перед очами моими всегда и везде!.. (11, с. 156–157.)

Порою Ты допускаешь в глубине моей редкое чувство неизведанной сладости; если бы пережить его во всей полноте, то не знаю, что будет – этой жизнью это не будет. (1, с. 188.)

Слова только располагают человека учиться и что редко бывает, чтобы в словах ясно была видна мысль говорящего; а истинно ли говорит тот или другой – этому учит меня единственно Тот, Кто живет во мне внутренне, хотя говорит и внешним образом. При Его же помощи я буду любить тем пламенней, чем долее буду учиться. (7, с. 427.)

Мы называем христианских государей счастливыми, если они управляют справедливо; если окруженные лестью и крайним низкопоклонством не превозносятся, но помнят, что они – люди; если употребляют свою власть на распространение почитания Бога и на служение Его величию; если боятся, любят и чтут Бога; если любят более то царство, в котором не боятся иметь сообщников; если медлят с наказаниями и охотно милуют; если сами эти наказания употребляют как необходимые средства для управления и охранения государства, а не как удовлетворение своей ненависти к врагам; если

и помилование изрекают не для того, чтобы оставить неправду безнаказанной, а в надежде на исправление; если в том случае, когда обстоятельства вынуждают их произнести суровый приговор, они смягчают его милосердием и благотворительностью; если обстановка и род их жизни тем скромнее, чем более могли бы быть роскошными; если они лучше желают господствовать над дурными наклонностями, чем над какими бы то ни было народами, и делают все это не из желания какой-нибудь пустой славы, а из любви к вечному счастью; если не пренебрегают приносить Богу за грехи свои жертву смирения, сожаления и молитвы. Таких христианских императоров мы называем счастливыми, т. е. счастливыми пока надеждой, и которые потом будут счастливы на деле, когда наступит то, чего мы ожидаем. (2, с. 292–293.)

О, Истина, Свет моего сердца, пусть не говорит со мной темнота моя! Я скатился в нее, и меня обволокло тьмой, но и там, даже там я так любил Тебя. Я скитался и вспомнил Тебя. Я услышал за собой голос Твой: *вот путь, идите по нему* (Ис. 30: 21), но едва услышал его в свалке тех, кто не знает мира. И теперь вот, в поту, задыхаясь, возвращаюсь к источнику Твоему. Пусть никто не отгоняет меня: из него буду пить, им буду жить. Да не в себе найду

жизнь свою: я плохо жил собой, смертью был я себе: в Тебе оживаю. Говори со мной, наставляй меня. (1, с. 219.)

Мы идем к Богу, а путь этот есть вера во Христа, вспомоществуемая любовью (Гал. 5: 6). (10, с. 20.)

Сказал Ты мне, Господи, громким голосом во внутреннее ухо мое, что не извечны... те создания, для которых Ты единственная радость. Упиваясь Тобой в неколебимой чистоте, нигде и никогда не выявляя изменчивость свою, всегда в присутствии Твоем, всей любовью привязанные к Тебе, не ожидая будущего, не переправляя в прошлое воспоминаний, они не подлежат сменам перемен и не разбрасываются во времени. Блаженны эти создания, причастные блаженству Твоему, блаженны потому, что вечно обитаешь Ты с ними и просвещаешь их. (1, с. 219–220.)

Хотя любящий или знающий являются субстанцией, и знание есть субстанция, и любовь есть субстанция, однако о любящем и любви, как и о знающем и знании, говорится как о взаимно соотнесенных, как о друзьях. (6, с. 9.)

Говорят, будто расположение нужно понимать в хорошем смысле, а любовь – в дурном. Но в высшей степени достоверно, что и сами светские писатели никогда этого не утверждали. Пусть также поищут, различали ли эти выражения, и если да, то по какому поводу различали их философы? Книги их достаточно ясно говорят, что они высоко ценили любовь в делах добрых и к самому Богу. Со своей стороны, нам нужно предоставить данные о том, что наши Писания, авторитет которых мы ставим выше всей остальной литературы, называют любовью то же, что и расположение к равным или высшим... То, что слово *любовь* употребляется в хорошем смысле, мы уже показали. А чтобы кто-нибудь не подумал, что хотя слово *любовь* и может пониматься как в добрую, так и в дурную сторону, но слово *расположение* должно пониматься только в добром смысле, – тот пусть обратит внимание на выражение в псалме *любящего насилие ненавидит душа Его* (Пс. 10: 5); и на известное выражение апостола Иоанна: *Кто любит мир, в том нет любви Отгей* (1 Ин. 2: 15). Вот в одном и том же месте указание и на добрую, и на дурную сторону. А чтобы кто-нибудь не докучал требованиями доказательства того, что и слово *любовь* употребляется в дурном смысле (на употребление в хорошем смысле мы уже указали), тот пусть прочитает

слова Писания: *Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы* (2 Тим. 3: 2). Итак, благая воля есть любовь добрая, а воля превратная – любовь дурная. Любовь, домогающаяся обладать предметом любви, есть страстное желание; та же самая любовь, обладающая и пользующаяся этим своим предметом, есть радость; но убегающая того, что ей противоречит, есть страх; а чувствующая, если ей случится противное, есть скорбь. Все это есть дурное, если любовь дурна; все это благо, если она блага. (4, с. 14–15.)

Вы отрицаете, что есть некие высокие создания, чистой любовью соединенные с Богом истинным и воистину вечным? Хотя они и неизвечны, как Он, но они не удаляются от Него и не соскальзывают в пеструю смену времен, а покоятся в подлинном созерцании Его, Единого, ибо им, кто любит Тебя так, как Ты учишь, Ты, Боже, являешь Себя, и с них этого довольно: они не уклоняются ни от Тебя, ни к себе. (1, с. 223.)

Чем горячее любил я тех, о ком слышал, – кто по здравому порыву вручили себя целиком Тебе для исцеления, тем ожесточеннее при сравнении с ними ненавидел себя, ибо много лет моих

утекло (почти двенадцать лет) с тех пор, как я девятнадцатилетним юношей, прочитав Цицеронова «Гортензия», воодушевился мудростью. (1, с. 128–129.)

Вообще по различию предметов, к которым мы стремимся или которых избегаем, то насколько они привлекают или отталкивают волю человека, настолько и расположения меняются и обращаются в те или иные. Поэтому человеку, живущему по Богу, а не по человеку, надлежит быть любителем добра, и, следовательно, ненавидеть зло. Но так как никто не зол по природе, а если зол, то вследствие порока, то живущий по Богу должен иметь правильную ненависть к злу. Он не должен ради порока ненавидеть человека, равно как не должен и любить порок ради человека. Но должен он порок ненавидеть, а человека – любить. Когда же последует исцеление от порока, тогда останется лишь то, что он должен любить, и ничего не останется от того, что он должен ненавидеть. (4, с. 12.)

Хвалят Тебя, Господи, дела Твои, да полюбим Тебя; и мы любим Тебя, да хвалят Тебя дела Твои. (1, с. 267.)

Великое дело – любовь, по которой душа сама собою дерзновенно приступает к Богу, твердо прилепляется к Нему, дружески вопрошает и советуется во всяком деле с Богом. Душа, любящая Бога, ни о чем, кроме Него, не мыслит, ни о чем, кроме Него, не говорит, все прочее презирает, всем гнушается. О чем ни размышляет, что ни говорит, все любовью растворено, все обнаруживает любовь; так любовь Божия ею овладела! Кто хочет познать Бога, тот пусть любит. Понапрасну тот принимается за чтение, за размышление, за проповедь, за молитву, который не любит. Любовь Божия рождает любовь души и заставляет ее вникать в себя. Любит Бог, да будет любим Сам. Когда любит, ничего иного не желает, как только быть любимым... любящие Его любовь бывают блаженны. (11, с. 166.)

Если кто-либо воздерживается от обличения и обуздания поступающих дурно или потому, что ищет более удобного для этого времени, или потому, что боится за них же самих, чтобы они не стали от этого еще хуже, или чтобы не воспрепятствовали научить доброй и справедливой жизни других, более слабых, не оказали на них дурного влияния и не отвратили от веры, то в этом обнаруживается не жадность, а мудрое правило любви. (2, с. 15.)

Я хочу Тебя, Справедливость и Невинность, прекрасная честным Светом Своим, насыщающая без пресыщения. У Тебя великий покой и жизнь безмятежная. Кто входит в Тебя, входит в *радость господина своего* (Мф. 25: 21) и не убоится, и будет жить счастливо в полноте блага. (1, с. 32.)

Хорошо иметь в сердце любовь, но не к самому себе, что является верным признаком гордости, а к Господу, что есть признак повиновения, принадлежащего только смиренным. Есть в смирении нечто такое, что удивительным образом возвышает сердце, и есть нечто в гордыне, что сердце принижает. Таким образом, смирение возвышает, а превозношение тянет вниз, ибо смирение делает покорным высшему, т. е. Богу, а превозношение, отпадая от вышины, принижает. (4, с. 35.)

В человеке, имеющем добродетели, великой добродетелью является презрение к славе, потому что презрение его ведомо Богу, но от человеческого суда скрыто. Пусть он и сделал бы, например, что-нибудь для человеческих глаз такое, из чего можно было бы видеть его презрение к славе: могут подумать, что он сделал это для большей по-

хвалы, т. е. для достижения большей славы, и тогда у него нет средства представить себя для чувств подозревающих его людей иным, чем каким они его себе представляют. Но презирующий суд людей, расточающих похвалы, презирует и безрассудство подозревающих; хотя, если он истинно добр, не презирует их спасения. Ибо имеющий добродетели от Духа Божия справедлив до такой степени, что любит даже врагов, и любит так, что желает, чтобы его ненавистники и хулителю исправились и были вместе с ним участниками не земного, а небесного отечества. В хвалителях же своих, хотя он и не уважает того, что его хвалят, но уважает то, что его любят; и не желает обманывать хвалящих, чтобы не обмануть любящих. И поэтому горячо настаивает, чтобы похвалы воздавались Тому, от Кого получает человек то, что в нем по справедливости заслуживает похвалы. А тот, кто, презирая славу, жадно стремится к господству, тот превосходит и зверей как в лютости, так и в неумеренности. (2, с. 282.)

Чего мы одним словом выразить не можем, а можем назвать почитанием Бога, – все это мы считаем обязательным только в отношении к Богу, Который есть истинный Бог и Своих почитателей делает богами. Итак, кто бы ни были те бессмерт-

ные и блаженные существа, которые пребывают в небесных обителях, они не должны почитаться, если не любят нас и не желают нам блаженства. Если же любят и желают нам блаженства, то желают, конечно, нам быть блаженными от того же источника, от которого блаженны и сами. (3, с. 105.)

Живая душа берет свое начало от земли, но только верным полезно удаляться от любви к веку сему, дабы для Тебя жила душа их: она умирала, живя в наслаждениях, Господи, смертоносных: для чистого сердца Ты наслаждение животворящее. (1, с. 256.)

Как молясь и славословя, мы обращаемся со словами к Тому, Кому приносим свои сердечные чувства, обозначаемые этими словами, так же точно, принося жертву, мы знаем, что видимую жертву должно приносить не кому иному, как Тому, невидимой жертвой Которому мы в своих сердцах должны быть сами. В этих случаях нам способствуют, сорадуются и помогают по возможности Ангелы и все высшие и могущественнейшие по своей благодати и благочестию силы. (3, с. 139.)

Я... уже не боюсь, исповедуясь Тебе, Боже, в том, чего жаждет душа моя; мне приносит успокоение, когда, осуждая злые пути свои, я прилепляюсь к Твоим благим путям. (1, с. 16.)

Я... буду размышлять о законе Божиим, если и день и ночь (Пс. 1: 2), то, по крайней мере, в те короткие промежутки времени, когда смогу; и чтобы мои размышления не забылись, я их записываю, надеясь на милосердие Божие в том, что Он сделает меня непоколебимым в тех истинах, в которых я уверен. (5, с. 20.)

Так, Господи, так молю Тебя, как даешь Ты радость и силу: так *истина возникнет из земли, и правда приникнет с небес* (Пс. 84: 12), и возникнут на тверди светила. Преломим хлеб наш с тем, кто голоден, введем под кров наш бездомного, оденем нагого, не будем презирать рабов, таких же людей, как мы. (1, с. 252.)

Апостол Павел одобряет и заповедует веру, действующую любовью (Гал. 5: 6), которая, в свою очередь, не может быть без надежды. Следовательно,

нет любви без надежды, нет надежды без любви, нет и обеих без веры. (10, с. 8.)

Исаак, рожденный по обетованию, справедливо обозначает сынов благодати, граждан свободного града, союзников вечного мира, где не будет стремления к личному и в некотором роде частному произволу, но будет любовь, радующаяся об общем, и потому неизменяемом благе, делающая из многих сердец – одно, т. е. будет вполне единоедушное повиновение, основанное на любви. (4, с. 70.)

С должной хвалой Творцу следует сознаться, что не в применении к одним только святым людям, но и о святых Ангелах можно сказать, что любовь Божия разлита в них Духом Святым, данным им (Рим. 5: 5), и что не только для людей, но первоначально и по преимуществу для Ангелов было благом то, о чем написано: *А мне благо приближаться к Богу* (Пс. 72: 28). Для кого это благо является общим, те имеют святое сообщество и с Тем, к Кому прилепляются, и между собой, и составляют один град Бога, служащий и живой Ему жертвой, и живым Ему храмом. (3, с. 250.)

Любовь к красоте телесной, которая хотя и есть благо, сотворенное Богом, но благо временное, плотское и низшее, – злая любовь, коль скоро она ставит ниже ее Бога, вечное, внутреннее и всегдашнее Благо; так же точно, как любовь к золоту скупцов, забывших справедливость не по какой-либо вине золота, а по вине человеческой. Так бывает это и в отношении ко всякой твари. Будучи доброй, она может быть любима и хорошо, и дурно: хорошо, когда соблюдается порядок; дурно, если он нарушен. (4, с. 120–121.)

Душа, почтенная Божиим образом, украшенная Божиим подобием, имеет в себе самой от Бога то, чем бывает убеждаема всегда или присутствовать с Ним, или к Нему возвращаться, если, будучи отвлечена страстями, удалится от Него. И не только она имеет то, что делает ее благонадежною в получении прощения и милосердия, но и то, что производит в ней дерзновение войти с Богом в дружественный союз, с Царем Ангелов соединиться сладкою любовью. (11, с. 164.)

Все делает любовь, если будет подобна Богу, Которому подобна по существу своею волею, лю-

бит так, как и сама любима; ибо одна только любовь из всех душевных свойств, чувствований и наклонностей есть то, чем может быть тварь, хотя и не соразмерно, соответствовать своему Создателю. Где вселяется любовь, там она привлекает к себе и пленяет все прочие наклонности. Любовь сама по себе достаточна, сама собою мила и ради себя, сама заслуга, сама награда, сама причина, сама плод и упражнение; так как мы любовью соединяемся с Богом. (11, с. 164–165.)

Любовь делает в двух один дух. Любовь сперва исправляет склонности, потом помышляет о всем, что ни имеет, так, как бы того вовсе не было; в третьих, взирает чистым зрением сердца на превыспреннее и внутреннее. Любвию сперва в свете все честное совершается, потом все блага века этого презираются и, наконец, самое существо Божие созерцается. (11, с. 165.)

Наученный начатком веры, любовью вспомоществуемой, разум при хорошей жизни достигает даже видения, где святым и совершенным сердцам становится известной неизреченная красота, полное созерцание которой есть высшее блаженство. (10, с. 5.)

Наслаждаться Богом Троицей, по образу Которого мы сотворены, есть полная радость наша, полнее каковой нет. (5, с. 35.)

Так как бессмертные и блаженные существа, обитающие в небесных жилищах и вместе утешающиеся общением со своим Творцом, вечностью Которого они крепки, истиной непоколебимы, дарами святы, любят нас, смертных и злополучных, из милосердия, чтобы мы стали бессмертными и блаженными, то они не желают, конечно, чтобы жертву мы приносили им, а не Тому, Кому вместе с нами и они сами приносят жертву. С ними составляем мы один град Божий, к которому обращены слова псалма: *Славное возвещается о тебе, град Божий!* (Пс. 86: 3). (3, с. 115.)

Пророк говорит: *Мне благо приближаться к Богу* (Пс. 72: 28). Этими словами он учит о Том, Которому одному убеждали приносить жертвы святые Ангелы Его, подтверждая свои слова чудесами. Поэтому и сам он стал жертвою Того, к Которому пламенел, охваченный умным огнем, и стремился святым желанием в невыразимые и бестелесные Его объятия. (3, с. 138.)

Все... правильно исполняется тогда, когда направляется к любви Бога и ближнего ради Бога и в этом веке, и в будущем. (10, с. 93.)

Служить... желающим меня заставляет любовь. (5, с. 23.)

Истинно сказано в божественном писании, чтобы мы не называли на земле учителем никого, поелику один есть Учитель всех на небесах (Мф. 23: 8–10). А что такое – на небесах, этому научит нас Он Сам, Который и чрез людей напоминает нам внешним образом, знаками, дабы, обращаясь к Нему, мы учились внутренне. Любить и знать Его составляет блаженную жизнь, о которой все кричат, что ищут ее, но далеко не все могут радоваться, что действительно ее нашли. (7, с. 427.)

Любовь, хотя она относится к любящему уму, любовью которого она является, все же есть также любовь и по отношению к себе самой так, что она есть и в себе самой; и любовь также любима, ибо не может быть любима чем бы то ни было еще, как только любовью, т. е. самой же собой. (6, с. 11.)

Нет ничего большего, как прощать все, в чем кто провинился перед нами. Ибо менее важно быть благожелательным или даже благодетельным по отношению к тому, кто не сделал тебе никакого зла; но то есть признак высочайшей благодати, когда ты любишь и своего врага, и тому, кто желает тебе зла и при возможности делает зло, ты всегда желаешь добра и, если можешь, делаешь добро. (10, с. 58.)

Господи Боже мой, внемли молитве моей; по милости Твоей услышь желание мое; оно кипит во мне не только ради меня: я хочу от него пользы любимым братьям; и Ты видишь в сердце моем, что это так. (1, с. 192.)

Апостолы... проповедовали имя Христово и там, где это не только не одобряли (соответственно тому, как говорит Цицерон, *оставляя в полном небрежении такие (занятия), которые кем-нибудь не одобряются*), но и проклинали. Они твердо держались того, что слышали от благого Учителя и вместе с тем – Врачевателя душ: *А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10: 33; Лк. 12:

9). Под проклятиями и ругательствами, во время самых тяжких гонений и жестоких казней, вой человеческой ненависти не удержал их от проповеди спасения. Следствием их божественных дел и слов, следствием их божественной жизни, – когда суровые сердца были некоторым образом завоеваны и утверждены мир справедливости, – была великая слава Христова в Церкви. Они не успокоились, однако же, на ней, как на последней цели своей добродетели; но, относя ее саму к славе Бога, благодатью Которого они были такими, они и в тех, о ком пеклись, воспаляли этой искрой любовь к Тому, благодаря Кому сами были такими. Ибо Учитель учил их быть добрыми не ради славы человеческой, говоря: *Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного* (Мф. 6: 1). Но вместе с тем, чтобы они не боялись, поняв эти слова превратно, нравиться людям и не приносили менее пользы, скрывая свою доброту, Он говорил им, указывая ту цель, ради которой они должны были приобретать известность: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5: 16). Итак, не для того, чтобы они видели вас, т. е. не так, как бы вы хотели обратить их взоры на себя, потому что вы не через себя представляете собою нечто; но что-

бы прославляли Отца вашего Небесного, обратившись к Которому они сделаются тем же, чем и вы. Им последовали мученики, которые не сами подвергали себя казням, а терпели назначенные им и превзошли и Сцевол, и Курциев, и Дециев как истинной добродетелью, – потому что она была обусловлена истинным благочестием, – так и бесчисленным своим множеством. (2, с. 270–271.)

Поистине ту радость, которою возрадуются избранные Твои, ни око не видало, ни ухо не слышало, ни на сердце человеку она не всходила. Еще скажу: Господи! Сколько возрадуются избранные Твои? Столько возрадуются, столько возлюбят; столько возлюбят, столько Тебя познают, Господи. А столько подлинно не видел глаз, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку в сей жизни, сколько Тебя познают и возлюбят в той жизни. (11, с. 185.)

Посредством смерти совершается правда. Но последнее – в святых мучениках, которым мучители предлагали одно из двух: или оставить веру, или подвергнуться смерти. Ибо праведные предпочитают за веру подвергнуться тому, чему первые грешники подверглись за неверие. (3, с. 292–293.)

Святым мученикам вовсе не приходится гордиться, как будто бы чем-то особым, сделанным ими для приобретения того отечества, в котором ждет их вечное и истинное счастье, тем, что они по вере любви и по любви веры сражались до пролития своей крови не только за братьев, за которых кровь проливалась, но и за врагов, которыми она проливалась. (2, с. 278.)

Два града созданы двумя родами любви: земной – любовью к себе, дошедшею до презрения к Богу; небесный – любовью к Богу, дошедшей до презрения к себе. Первый полагает славу свою в самом себе, второй – в Господе. Ибо тот ищет славы от людей, а для этого величайшая слава – Бог, свидетель совести. Тот в славе своей возносит главу, а этот говорит Богу своему: *Ты, Господи, слава моя, и Ты возносишь голову мою* (Пс. 3: 4). Тем правит похоть господствования, в этом служат друг другу по любви. Тот любит в своих лучших людях свою же силу, а этот говорит: *Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя!* (Пс. 17: 2). Поэтому в том граде мудрые его, живя по человеку, добивались некоторых благ для тела или души своей, или для того и другого разом, но которые могли познать Бога, *не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но*

осутились в умствованиях своих, и омрачилось немисленное их сердце: называя себя мудрыми (т. е. превозносясь под влиянием гордости своею мудростью), обезумели и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся (ибо в почитании идолов этого рода были или вождями народов, или последователями), и поклонялись и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки (Рим 1: 21–25). В этом же граде нет иной мудрости, кроме благочестия, которое правильно почитает истинного Бога, ожидая в обществе святых, не только людей, но и Ангелов, той награды, когда будет Бог все во всем (1 Кор. 15: 28). (4, с. 63–64.)

Бог Отец – любовь, Бог Сын – любовь, Дух Святой – Отца и Сына любовь. Эта любовь требует от нас нечто подобное, то есть любовь, к которой, как некоторым кровным сродством, мы соединяемся с Богом. Любовь не имеет боязни. Любящий с дерзновением приступает к Богу и дружески с Ним беседует, ничего не страшась, нимало не сомневаясь. Теряет, что имеет, кто не любит; а любящий всегда устремляет очи свои к Богу, Которого любит, Которого желает, о Котором размышляет, в Котором наслаждается, Которым насыщается. (11, с. 165.)

Человек боголюбивый, поет ли, читает ли, во всех делах своих так прозорлив и осторожен, как бы Бог всегда перед глазами его присутствовал, как и есть на самом деле. Молится ли, как будто вознесен и представлен пред лицо величия Бога, сидящего на превознесенном престоле, где тысячи тысяч служат Ему и тьмы тем предстоят Ему. Душу, которую посещает Бог любовью, возбуждает спящую; наставляет и умягчает ее, уязвляет сердце ее; мрачное просвещает, заключенное отверзает, холодное разгорячает, мысль жестокою, склонную к гневу и нетерпеливую смиряет, пороки удаляет, плотские страсти укрощает, обычаи исправляет, преобразует и обновляет душу, непостоянного возраста движения и деяния сокращает. Это все делает любовь, а когда она уходит, душа так начинает остывать, как кипящий котел, когда из-под него отнимется огонь. (11, с. 165–166.)

Если я спрошу у всех, в чем они предпочитают найти радость: в истине или во лжи, то все так же не усомнятся ответить, что в истине, как не усомнятся сказать, что хотят быть счастливыми, но ведь счастливая жизнь – это радость, даруемая истиной, т. е. Тобой, Господи... Этой счастливой жизни все хотят, этой жизни, единственно счастливой, все

хотят; радости от истины все хотят. Многих знаю я, кто охотно обманывает, и никого, кто хотел бы обмануться. Где же узнали они об этой счастливой жизни, как не там, где узнали и об истине? Они и ее любят, так как не хотят обманываться, но, любя счастливую жизнь – она ведь не что иное, как радость, даруемая истиной, – они, конечно, любят также истину. Они не любили бы ее, если бы у них в памяти не было каких-то сведений о ней... почему для них стал врагом человек Твой, проповедующий истину? Они ведь любят счастливую жизнь, а она не что иное, как радость об истине? Не потому ли, что истину так любят, что, любя что-то другое, люди хотят, чтобы то, что они любят, оказалось истинной? И так как они не хотят обманываться, то и не хотят, чтобы их изобличили в том, что они обманываются. Итак, они ненавидят истину из любви к тому, что почитают истиной, они любят ее свет и ненавидят ее укоры. Не желая обмануться и желая обманывать, они любят ее, когда она показывается сама, и ненавидят, когда она показывает их самих. За это и получают они воздаяние: они не хотят быть раскрытыми ею – она раскроет их против их желания, но сама не откроется им. (1, с. 171–172.)

Пусть же никто не надоедает мне, говоря: *Моисей думал не так, как ты говоришь; он думал*

так, как я говорю... О, Жизнь бедных, Боже мой, в Чьем лоне нет противоречий, пролей дождем в мое сердце кротость, чтобы терпеливо переносить мне таких людей. Они говорят со мной так не потому, что вдохновлены свыше и увидели в сердце слуги Твоего то, что говорят, а потому, что они гордецы; они не знают мысли Моисея, они любят свою собственную и не потому, что она истинна, а потому, что она их собственная. Иначе они бы в равной степени любили и чужую, истинную мысль, как я люблю слова их, когда они говорят истину, – люблю не потому, что это их слова, а потому, что это истина, а раз это истина, то она уже не их собственность. Если бы они любили слова свои, потому что в них истина, слова эти стали бы достоянием их и моим, ибо истиной сообща владеют все, кто любит истину. (1, с. 232–233.)

В то время как одни постоянно пребывают в общем для всех Блага, Которым служит для них Сам Бог, в Его вечности, истине и любви, – другие, более услаждаясь своей властью, как будто бы сами они служат для себя своим благом, уклонились от общего для всех Блага, дающего блаженство, к собственному, и, обладая тщеславной надменностью вместо высочайшей верности, пустым лукавством вместо несомненной истины, стремлением к разде-

лению вместо нераздельной любви, сделались гордыми, лживыми и завистливыми. (3, с. 234.)

Авель, убитый своим братом и послуживший некоторым прообразом странствующего града Божия, первый показал, что град этот будет терпеть несправедливые преследования со стороны нечестивых и, так сказать, земнородных, т. е. привязанных к происходящему от земли и радующихся земному счастью земного града. (4, с. 100.)

Божественный промысел часто попускает изгнать из христианского общества даже людей добрых, из-за некоторых крайне бурных возмущений плотских людей. Если этот позор свой или свою обиду они будут переносить ради мира Церкви вполне терпеливо и не будут производить никаких – ни раскольнических, ни еретических – нововведений, то будут служить для людей поучительным примером, с какой истинной преданностью и искренней любовью должно служить Богу... Таковым в тайне уготовляет венец Отец, видящий тайное. (8, с. 436.)

Молю Тебя, Боже мой, да познаю Тебя, да люблю Тебя, да радуюсь о Тебе. И так как не могу в сей

жизни иметь этого совершенно, то хотя день ото дня в том да успеваю, пока не наступит это совершенство. Да множится во мне здесь познание Твое, чтобы там оно было полным; да возрастает во мне любовь Твоя, чтобы там быть ей полною; да будет здесь радость моя в себе велика, а там в Тебе полною. Боже истинный! Прошу, да получу, что Ты обещаешь, да радость моя будет полною. А между тем да размышляет о том мысль моя, да говорит о том язык мой, да любит то сердце мое, да говорят о том уста мои, да алчет того душа моя, да жажде плоть моя, да желает того весь состав мой, пока не приду в радость Господа моего и в ней пребуду вечно. (11, с. 185.)

Приложение 1
**Просьба о даровании
горячей любви
к Богу**

Иисус, искупление наше, любовь и желание, Боже от Бога, будь со мной, рабом Твоим. Тебя призываю, к Тебе взываю великим воплем от всего сердца моего, Тебя зову в душу мою: войди в нее и обладай ею. Тебе подобает чистая обитель, поэтому освяти меня и наполни Своей благодатью.

Сладчайший, любящий, вожденнейший, неоцененнейший, прекраснейший! Ты меда сладо-стнее, молока и снега белее, отраднее нектара, драгоценнее бесценных камней и милее и приятнее всех земных богатств и почестей.

Я не обретаю слов, которыми бы достаточно мог выразить всемогущее и всеведущее слово. Скажу то, что могу, доколе не велишь мне прийти к Тебе, где могу говорить то, что прилично Тебе и мне должно. И теперь смиренно молю, взирай не на то, что я говорю, но на то, что я сказать желаю. Ты знаешь, Боже всеведущий, что Ты дороже и милее мне неба и земли, и всего находяще-

гося на них. Я люблю Тебя больше неба и земли, и всего, что есть на них.

Люблю Тебя, Боже мой, любовью великою и более любить Тебя желаю. Даруй мне, чтобы я любил Тебя, сколько хочу и сколько должен любить, да будешь Ты один все помышление мое.

Молю Тебя, сотвори, чтобы я имел сердце сокрушенное и смиренное со множеством слез; сотвори, чтобы я со всем желанием и усердием всецело умер миру этому и вовсе забыл преходящие вещи от великой любви к Тебе так, чтобы я не плакал и не радовался о временном, ничего не любил и не боялся, благополучием не возгордился и несчастьем не поколебался.

Любовь к Тебе крепка, как смерть. Пусть потопит пламенная и медоточная сила любви Твоей мысль мою от всех сущих под солнцем, чтобы я к Тебе одному прилепился и сладостию памяти о Тебе насыщался.

Да сойдет, Господи, да сойдет, молю, да сойдет в сердце мое благоухание Твое сладчайшее, да войдет любовь Твоя медоточная, да войдет в меня Твоего благоухания чудная и несказанная сладость, которая возбудит во мне вечные желания, и из сердца моего да изведет реки воды, текущие в жизнь вечную. Неизмерим Ты, Господи, и поэтому должен быть хвалим и любим без меры.

Если человек человека так любит, что не может терпеть отсутствия любимого, если невеста с женихом соединяется таким внутренним жаром, что не может иметь покоя в отсутствие любимого, – то с каким жаром должна любить душа Тебя, истинного Бога, прекрасного Жениха, Который нас так возлюбил и спас, Который ради нас столько сделал? Любовь земная и наслаждения дольные не так услаждают, как Ты, Боже наш, – потому что любовь Твоя сладка и спокойна. Ты наполняешь сладостью и спокойствием сердца, которыми обладаешь.

Сладчайший Христе, благий Иисусе! Наполняй всегда сердце мое неугасимую любовью Твоею, непрерывной памятью о Тебе настолько, чтобы я, как горящий уголь, весь пылал в сладости любви Твоей. Любовь к Тебе и Твоя, любовь не мучающая, но услаждающая, любовь искренно и чисто пребывающая в век века, – всегда горит и не угасает. Сладчайший Христе, благий Иисусе, Боже любви моей!

Воспламени всего меня огнем Твоим, утехой и вожделием Твоим, которое есть святое и благое, непорочное и чистое, спокойное и безопасное, чтобы, весь наполнившись сладостью любви Твоей, возлюбил я Тебя, Бога моего, всем сердцем моим и всеми силами моими.

Услышь, Боже мой, услышь, свет очей моих, услышь мое прошение! Дай мне плод моления и желания моего предстательством преславной Девы, Матери Твоей Марии, Владычицы моей, со всеми святыми Твоими. Аминь. (11, с. 63–65.)

Приложение 2
О славе Царства Небесного

Когда же мы придем к Тебе и увидим Тебя уже не в зеркале и в гадании, но лицом к лицу? Тогда насытится во благих желание наше, потому что ничего больше не остается желать нам. Там мы увидим, возлюбим и прославим Тебя. Там в свете Твоем мы узрим свет. Какой же свет? Свет неизмеримый, свет бестелесный, нетленный, непостижимый, свет не ослабевающий, свет неугасимый, свет несозданный, свет божественный, который просвещает очи ангельские, который веселит юность святых, который есть Свет светов, Который есть Ты, Господи, Боже мой.

Да говорит всегда сердце мое: всем сердцем моим ищу Тебя (Пс. 118: 14), буду искать лица Твоего, Господи (Пс. 26: 8). И так как ищу всегда горячо, непрерывно лицо Твое, – может быть, наконец, откроется мне дверь и врата правды, да войду в радость Господа моего. Это – врата Господни, в которые праведные войдут. (11, с. 144–145.)

Приложение 3
О благодати Божией

Признаюсь, Господи, и благодарю, что Ты меня сотворил по образу Своему, чтобы я Тебя любил; но этот образ так заглажен растлением пороков, так потемнел от чада грехов, что не может делать того, для чего создан, если Ты неновишь и не преобразуешь. Молю Тебя, Господи, дающего познание веры, даруй мне, чтобы я познал Тебя настолько, сколько мне знать Тебя должно; так как Ты таков, как мы веруем, и самое то, что веруем. И верим, что Ты нечто такое, чего более и лучше помыслить ничего нельзя. Что же Ты, Господи Боже, такое, чего более и лучше помыслить ничего нельзя, как не самое то высочайшее из всех Благо, Которое, одно Собою пребывая, все прочие вещи сотворило из ничего? Какого же блага нет в высочайшем Благе, чрез Которое произошло всякое благо? И посему Ты праведен, истинен, блажен.

Но как Ты щадишь злых, если Ты весь праведен? Потому ли, что благодать Твоя непостижима? Сокрыто это во свете неприступном, в котором Ты живешь; истинно в глубочайшей и сокровеннейшей бездне Твоей благодати сокрыт источник, из которого проистекает река милосердия Твоего.

Ты, весь будучи праведен, потому к злым снисходителен, что весь благ; Ты не столько бы благ был, если бы ни к одному грешнику не был милостив; ибо тот более благ, который и к добрым и злым бывает добр, нежели тот, который добр только к одним добрым; и лучше тот, который к злым и милостию и наказанием благ, нежели одним наказанием. Итак, Ты потому милосерд, что весь благ. (11, с. 179–180.)

Источники

1. Августин Аврелий. Исповедь блаженно-го Августина, епископа Гиппонского. М.: АСТ. 2003.
2. Блаженный Августин. О граде Божием, в 22-х книгах. Т. 1. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1994.
3. Блаженный Августин. О граде Божием, в 22-х книгах. Т. 2. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1994.
4. Блаженный Августин. О граде Божием, в 22-х книгах. Т. 3. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1994.
5. Блаженный Августин Аврелий. О Троице. Ч. 1. М.: Образ. 2005.
6. Блаженный Августин Аврелий. О Троице. Ч. 2. М.: Образ. 2005.
7. Блаженный Августин. Об Учителе. О бессмертии души. М.: АСТ. 2004.
8. Блаженный Августин. Об истинной религии. О бессмертии души. М.: АСТ. 2004.
9. Блаженный Августин. Монологи. О бессмертии души. М.: АСТ. 2004.
10. Блаженный Августин Аврелий. Руководство Лаврентию, или О вере, надежде и любви. М.:

Издательство им. свят. Игнатия Ставропольского.
1997.

11. Августин. Цветы благодатной жизни. СПб.:
Библия для всех, 1997 (по изданию русского
Свято-Ильинского скита на Афоне, 1900).

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
Прекрасен Ты, Создатель всего!	6
Любовь возносит нас	74
<i>Приложение 1. Просьба о даровании горячей любви к Богу</i>	150
<i>Приложение 2. О славе Царства Небесного</i>	154
<i>Приложение 3. О благодати Божией</i>	155
<i>Источники</i>	157

